

К ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ

(Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси)

Е. А. РЫДЗЕВСКОЙ

(Представлено Историко-археографическим институтом)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В противоположность древне-скандинавским личным именам, сохранившимся в письменных памятниках древнейшего периода русской истории, местные названия того же происхождения подверглись систематическому научному исследованию сравнительно недавно; прежние историки обращали внимание почти исключительно на личные имена, которые и оказались одной из главных категорий материала по вопросу о варягах на Руси. Бесконечные научные (а отчасти и не научные по своему характеру) споры на эту тему имеют, как известно, весьма солидную давность и разрослись до таких размеров, каких еще, кажется, не достигала ни одна дискуссия в области спорных исторических вопросов.

В 1915 г. вышло первое систематическое научное исследование, касающееся интересующего нас в данном случае топонимического материала — «Rus- et vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod» шведского филолога Р. Экблома.¹ Как видно из самого заглавия, это исследование относится лишь к Новгородскому краю; оно является, если не исчерпывающим, то, во всяком случае, весьма полным. Здесь упомянут попутно и термин «колбяг», как отразившийся в топонимике. Несколько местных

¹ Archives d'études orientales, XI. Годом раньше появилась небольшая статья того же автора «Buregi-Byringe (Studier i modern språkvetenskap, 1914, V), о местных названиях Буряги, Буряжский и т. п.

названий, производных от «Русь» и «варяг», отмечено автором и в других районах.¹

Топонимический материал, изданный Экбломом в обеих указанных здесь статьях, недавно был расширен и дополнен М. Р. Фасмером в его работе «*Wikingerspuren in Russland*»,² в которой он рассматривает ряд других районов СССР и других местных и речных названий, для которых предполагается скандинавское происхождение. При этом он ставит вопрос о связи топонимических данных с археологическими — вопрос чрезвычайно важный, лишь намеченный в свое время И. А. Тихомировым и долго оставшийся без дальнейшей разработки.³ Не ограничиваясь местными названиями, как таковыми, Фасмер дает, вместе с тем, обзор исторического и археологического характера, касающийся древне-русских торговых путей, их связи с топонимикой и с археологическими находками. Работа его притягивает к стародавнему вопросу о варягах на Русь, в области которого за последнее время выделился и стал на очередь вопрос, в частности, о варяжских поселениях на древне-русской территории; он успел уже вызвать некоторую полемику.⁴

Разбор топонимических данных должен определить, в какой мере, и при каких условиях, местные названия, скандинавское происхождение которых представляется вероятным, можно считать показательными для скандинавско-русских связей, вообще, и в частности — для предполагаемых варяжских колоний на Русь.

Задачей настоящей работы является, прежде всего, дополнение фактического материала, собранного и изданного Экбломом и Фасмером по целому ряду местных названий с добавлением некоторых других, собранных в свою очередь мною.⁵

¹ Экблом ссылается при этом на статью И. А. Тихомирова «Что насыпал Ярославские курганы» (Тр. 2 Тверск. обл. арх. съезда 1903 г., Тверь 1906, и Тр. 3 обл. ист.-арх. съезда 1906 г., Владим., 1909). Несколько упоминаний о русских местных названиях скандинавского происхождения есть у Геденова в его работе «Варяги и Русь» (1876) и у Куника (Известия Аль Бекри. . . II, 1903).

² Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wissensch., phil.-hist. Kl., 1931, XXIV, 649—674.

³ Фасмер, ук. соч., 653.

⁴ См Т. J. Arne, *Schweden in Russland in der Wikingerzeit* (Congr. sec. archaeol. balt., Riga, 1930, 225—230). Как видно из подзаголовка этой статьи (*Die Normannenfrage vor der russischen Wissenschaft der letzten 15 Jahre*), она является кратким обзором по данному вопросу.

⁵ Производные от «Русь» и самый вопрос о происхождении этого слова оставляю здесь в стороне, так как эту весьма сложную проблему при ее современном положении и освещении в нашей новой науке о языке никак нельзя рассматривать и пытаться решать специально с точки зрения скандинавистики и в рамках того периода, которым мы здесь занимаемся.

При собирании материала для своего перечня русских местных названий скандинавского происхождения, М. Р. Фасмер руководствовался почти исключительно Списками населенных мест.¹ Ведя параллельно такую же работу, я ставила на первом месте старинный актовый материал, как более близкий к тому, что обычно называется начальным периодом русской истории, и как более обеспеченный от всякого рода позднейших произвольных искажений.² За неимением более старых данных, приходится нередко ограничиваться тем, что дают Слм и разные другие записи и издания XIX—XX вв.

В целом ряде случаев мои дополнения к материалу Фасмера заставляют сомневаться в скандинавском происхождении того или иного названия, но, вместе с тем, далеко не всегда могут претендовать на выяснение вопроса до конца, а, наоборот, скорее осложняют его и создают в связи с ним новые вопросы. Считаю, тем не менее, необходимым включить эти данные в свой перечень и поставить указанные вопросы, даже, если для них пока не находится ответа.

Рассматриваемый здесь материал требует, в сущности, значительно более полного и углубленного анализа со стороны лингвистики, филологии и диалектологии, чем я могу дать, и чем дал Фасмер. В дальнейшем мне придется не раз указывать на необходимость проверки того или иного вопроса со стороны диалектологов, специалистов по финскому и литовскому языкам, а также и других языковедов.

Принцип расположения материала принят мною иной, чем у Фасмера. В его работе группировка местных названий — территориальная, по бывшим губерниям и уездам.³ В виду привлечения мною, главным образом, актового материала, преимущественно XVI—XVII вв., такая географическая схема представила бы большие затруднения.⁴ Располагаю имеющиеся у меня данные в алфавитном порядке по тем древне-скандинавским личным именам, от каковых производится большинство рассматриваемых здесь на-

¹ В дальнейшем обозначаю их сокращенно Слм. См. общий список сокращений.

² Должна здесь отметить неполноту использованных мною источников, так как в число их не вошли акты и грамоты, до сих пор неизданные и хранящиеся в архивах.

³ Это последнее обстоятельство он объясняет тем, что не всегда имел в своем распоряжении Слм, изданные после войны (ук. соч., 657, прим. 1).

⁴ Было бы, конечно, очень ценно дать, на основании объединенного (поскольку это мною сделано) материала Экблома, Фасмера и моего, обзор географического распространения местных названий скандинавского происхождения на территории СССР и установить их сосредоточение в том или ином районе; тем не менее, предпочитаю воздержаться пока от попытки такого обзора и от применения статистических приемов в виду изложенных мною в дальнейшем соображений относительно возможных поздних наслоений и многих неясностей среди интересующих нас топонимических групп.

званий, а также по этническим терминам (варяг, колбяг) и по местным и речным наименованиям. Личные имена распадаются на две категории: 1) засвидетельствованные древне-русскими текстами, прежде всего, греко-русскими договорами X в., и 2) восстанавливаемые Фасмером, или мною, и отмеченные, как принято, звездочкой.¹ Эти имена и названия являются заголовками отдельных пунктов. Личные имена даю при этом в древне-русской форме (если они засвидетельствованы, то со ссылкой на памятники) и в скандинавской, с указанием на работы занимавшихся ими скандинавских ученых, использованные как Фасмером, так и мною.² Помещаю данные, сообщаемые им и Экбломом, под цифрой I, за которой следует сокращенное обозначение фамилии этих авторов — Фасм., Экбл., причем за первым идет непосредственно указание страницы в его «*Wikingersrupen in Russland*», а за вторым — сокращенное обозначение заглавий его двух статей, отмеченных выше: Rus-, Viregi; далее — указание района (б. губерния и уезд), № или страница по Списку населенных мест (Снм) и само название. Под цифрой II («а» и «б») помещаю собранный мною материал: а) дополнения по районам, уже указанным у Фасмера и Экблома и б) по тем, о которых они не упоминают. Далее следуют различные замечания, возражения и т. д. с моей стороны, основанные на изучении фактического материала по данной группе названий.

Те части перечислений, у начала (абзаца) которых не стоит никакой цифры или литеры, заключают в себе местные названия, которых у Фасмера и Экблома нет.

Несмотря на то, что каждый пункт связан по своему заголовку не с районом, а, в большинстве случаев, с личным именем, в пределах каждого из них мне пришлось все-таки, принять какую то территориальную группировку и неизбежно втронуться с целым рядом связанных с нею затруднений. Прежде всего, такая схема требует согласования территориального деления той эпохи, к которой относится использованный мною актовый

¹ Там, где Фасмер не указывает прямо на восстанавливаемую им древне-русскую форму, позволяю себе, тем не менее, принимать таковую, как промежуточное звено между данным русским местным названием и древне-скандинавским именем, от которого предполагается его происхождение.

² В научных библиотеках Ленинграда, к сожалению, не нашлось весьма важной работы E. H. Lind, «*Norsk-isländska dopnamn och fingerade namn från medeltiden*» (Упсала, 1905—1915), на которую ссылается Фасмер. Относительно старой работы В. Томсена «*Det russiske Riges Grundlaeggelse*», переизданной в Копенгагене в 1919 г. и являющейся пока единственным руководством по фонетике скандинавских личных имен, перешедших в древне-русский, надо сказать, что она давно требует основательного пересмотра со стороны специалистов по древне-русскому языку; поскольку до сих пор этого не сделано, приходится пользоваться ею в том виде, в каком она у нас имеется.

материал, далее — XIX и XX вв. (Снм) и, наконец, после-революционного периода. Списков населенных мест СССР издано пока сравнительно немного; в некоторых случаях пользуюсь ими, как, напр., для б. Минской губ., ныне входящей в состав БССР. Так как моя работа стоит в тесной связи с исследованием Фасмера, а он пользовался, как уже сказано, почти исключительно Снм до-революционного времени, то мне пришлось отчасти принять условно старое территориальное деление при перечислении топонимических данных, сгруппировав при этом прежние губернии и уезды по возможности ближе к современному делению СССР.

Другое затруднение заключается в том, что намечаемые мною области оказываются нередко состоящими с одной стороны — из тех или иных районов нашего Союза, а с другой — из входивших в состав прежней русской территории областных единиц, ныне отдельных государств, как Польша и Литва, которые в своем историческом прошлом вообще, а в отношении топонимики — в частности, тесно связаны с соседними с ними областями СССР.

В отношении собранных мною местных названий принимаю следующий порядок их перечисления:

1. Северо-западный район — б. губ. Петербургская, Новгородская и Псковская.
2. Северный район — Карельская АССР и б. губ. Архангельская и Вологодская.
3. Верхне-Волжский район — б. губ. Тверская, Ярославская, Костромская и Владимирская.
4. Московский район — б. губ. Московская и Калужская.
5. Западный район — БССР, Польша и Литва.
6. ЦЧО¹ — б. губ. Тульская, Рязанская, Воронежская, Орловская и Курская.
7. Приднепровский район — б. губ. Черниговская, Полтавская и Киевская (т. е. часть УССР).
8. Юго-западный район — б. губ. Волынская и Подольская (т. е. другая часть УССР) и Галиция.

Алфавитный указатель местных названий при том принципе расположения материала, который здесь принят, не представляется необходимым. При основной группировке по районам, в которых повторяется то или иное название, он был бы, наоборот, весьма полезен; отсутствие его в работе Фасмера затрудняет пользование ею для справок по отдельным названиям.

¹ ЦЧО принято здесь как наиболее удобное объединяющее определение для 5 перечисленных бывших губерний, а не в смысле административного деления.

Привожу список сокращений для наиболее часто цитируемых источников, изданий и научных исследований.

- АДЭ — Акты, собранные Археологической экспедицией Акад. Наук, I—IV, 1866 г.
- АВК — Акты, изд. Виленской Археологической комиссией, I—XXXVIII, 1865—1914 гг.
- АВМ — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губ. Витебской и Могилевской, I—XXXII, 1871—1906 гг.
- АИ — Акты исторические, изд. Археологической комиссией Академии Наук, I—V, 1841 и 1842 гг.
- Ак. юз Р — Акты, относящиеся к истории южной и западной России, изд. Археологической комиссией Академии Наук, I—XV, 1863—1892 гг.
- А.ЛР — Акты Литовско-русского государства, изд. М. В. Довнар-Запольским, I—II, 1901 г.
- АМГ — Акты Московского государства, изд. Академией Наук под ред. Н. А. Попова, I—III, 1894—1901 гг.
- Аю¹ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. Археологической комиссией Академии Наук под ред. Н. В. Калачева, I—III, 1857—1864 гг.
- Аю² — Акты юридические, изд. Археологической комиссией Академии Наук, 1838 г. (в одном томе).
- АюзР — Архив юго-западной России, изд. Комиссией для разбора древних актов в Киеве, ч. I—VIII, 1859—1911 гг.
- Василев — И. И. Василев. Опыт географическо-статистического словаря Псковской губ., I—IV, 1882—1884 гг.
- Врем. — Временник Московского общества истории и древностей; т. XI—XII (1851—1852 гг.). — Новгородская писцовая книга по Вотской пятине 1500 г., 2-ая пол.
- Доп. АИ — Дополнения к Актам историческим. I—XII, 1816—1872 гг.
- Ивансв — П. Иванов, Обзорение писцовых книг по Новгороду и Пскову, 1841 г.
- ЛМ — Литовская Метрика (Русская Историческая библиотека, т. XX, 1903 г., и т. XXVII, 1910 г.).
- Маштаков — П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна, 1913 г.
- МгеР — Материалы для географии и статистики России, 1860—1868 гг.
- Мпк — Писцовые книги Московского государства XVI в., изд. Русским Географическим обществом под ред. Н. В. Калачева, I—II, 1872—1895 гг.
- Нпк — Новгородские писцовые книги, изд. Археологической комиссией Академии Наук, I—VI, 1859—1910 гг.
- Оп. док и бум. — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, I—XX, 1869—1921 гг.
- Пк — Писцовые книги.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, изд. Археологической комиссией Академии Наук.
- РИБ — Русская историческая библиотека, изд. Археологической комиссией Академии Наук.
- Рпк — Писцовые книги Рязанского края, изд. под ред. В. Н. Сторожева, 1898—1904 гг.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, I—V, 1813—1894 гг.
- Семенов — В. П. Семенов (ред.). Россия, I—XIX, 1899—1913 гг.
- СМА — Сборник Московского архива Министерства юстиции, I—VI, 1913 и 1914 гг.
- Снм — Списки населенных мест, изд. Центральным Статистическим комитетом и др.
- Тпк — Тульские писцовые книги, изд. в Трудах Тульской ученой архивной комиссии, за 1914 и 1915 гг.
- Укр. Арх. — Украинський архів, изд. Археологической комиссией Всеукраинской Академии Наук, I—IV, 1929—1931 гг.
- ЦСК — Центральный Статистический комитет.
- Шанько — Д. Ф. Шанько, Реки и леса Ленинградской области. 1929 г.
- СдмР — Codex diplomaticus majoris Poloniae, I—IV, 1877—1881 гг.
- СдР — Codex diplomaticus Poloniae, I—III, 1847—1858 гг.
- Jord. Ing. — Jordböcker öfver Ingermanland, 1618—1632 (Ижорские писцовые книги), I—II, 1859—1862 гг.

¹ С указанием тома.

² Без указания тома.

- LB — M. F. Lundgren och E. Brate, Personnamn från medeltiden (Svenska Landsmål, 1892, 1896 и 1915 гг.).
- Slown. geogr. — Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, I—XV, 1880—1902 гг.
- Thoms.—V. Thomsen, Det russiske Riges Grundlaeggelse ved Nordboerne (Samlede Afhandlinge, I, 1919 г.).
- Zr. dz. — Źródła dziejowe, I—XXIV, 1876—1915 гг.

2

Адульбъ

Дог. 945 г. по Лавр. списку.¹ Др.-сев. Audulfr, др.-шв. Ødhulf (Thoms. 390, LB 317).

1. Фасм. 662 Псков. Остр. Снм № 9315 — Дульбово; № 9357 тоже.

Отмечено затруднение с отпадением начального *a*, которое в русском должно было дать *y*.

Пб. Витеб. Люц. Снм 213 — Дульбово. Литва, Снм б. Ковен. г. Шав. у., 388 и Slown. geogr. — Dulbi.

Затруднение здесь не только с начальным звуком. Фасмер упоминает другое название первого псковского Дульбова, Дулебы.² Неясно, насколько оно, действительно, связывает название этого места с обширной группой производных от этнического термина «дулеб».³ Приведенные мною примеры из БССР, где мы встречаем Дульбово в литовском топонимическом окружении, и из Литвы, указывают на необходимость привлечения литовского языка и топонимики для разъяснения этого названия, раньше, чем возводить его к скандинавскому корню.

К псковской группе, может быть, следует присоединить Дюльбы, в том же б. Остр. у., Снм № 9038.

Адунъ

Дог. 945 г. Др.-сев. Audun, др.-шв. Ødhn (Thoms. 390, LB 316).

Предлагаю сопоставление с этим именем следующих местных названий: Новг. Беж. пят. Нпк. VI, 885 — Овдуни; Шел. пят. ib. V, 256—257 и 546 — Овдыня. Псков. Холм. Снм № 14385 — Авдунино. Может быть, также Влад. Сузд. Снм № 5284 — Удуново. К др.-сев. Audun Фасмер возводит польск. местное название Awdańce;⁴ ср. Витеб. Гор. Снм 8919⁵ — Авданьки.

¹ По Ипат., Радз. и Моск. Ак. Адолбъ, что по мнению А. А. Шахматова, может быть лучше (Нов. врем. лет. в изд. Археогр. ком. 1916 г., 52, прим. к строке б).

² В Снм — Дулебово и еще третье название, Петрово.

³ Вариант типа псковск. Дулебово — Дульбово мне среди них не встречался.

⁴ Zeitschr. für slav. Phil., 1930, VII, 149.

⁵ Цифра мелк. шрифтом наверху обозначает номер, стоящий на соответствующей странице Снм.

С намеченным здесь сопоставлением связываются следующие затруднения: во-первых, передача сканд. дифтонга *ai* через русск. *ов-, ав-* вместо *a*, по Томсену; во-вторых, неясны параллельные формы с *y* и *ы* во втором слоге. Возможно, что здесь отразились указанные выше две разные сканд. формы с *i* и *i̇*: в первом случае сканд. краткое *i* дает в др.-русск. *y* (Thoms. 393), во втором же приходится учитывать следующее: соответствие сканд. краткого *i̇* — др.-русск. *ы* засвидетельствовано многими примерами (*Gōdi*, *Tōki* > *Гуды*, *Туки*, и др.), так же и перед конечной согласной, но с отпадением этой последней — *rbgir* > *Туры* (Thoms. 412); здесь же приходится предположить то же самое при сохранении *ee*.

Акунъ см. Якунъ

* Ашвидъ

Др.-сев. *Ásvidr*, др.-шв. *Aswidh* (LB 19).

И. Фасм. 662 Псков. Остр. Снм № 10327 — Ашвидово. Объясняется из скандинавского вполне правильно, но мне представляется не исключенной и другая возможность, а именно, происхождение от литовского имени *Ašvūdis*.¹ В своей работе «Die Ostgrenze der balt. Stämme»² Фасмер приводит ряд русских местных названий в Тверск., Моск. и др. районах, производных от литовских личных имен и относимых им к сравнительно позднему времени — не ранее XII в. Не сюда ли относится и псков. Ашвидово?

Бернъ

Дог. 945 г. — Прастѣнъ Берновъ; Сказ. о Борисе и Глебе — Бернъ.³ В составе двухчленных имен: дог. 945 г. — Шихъбернъ, Турбернъ; Проложное житие Владимира — Ждъберн.⁴ Ср. «Бернъ земской Свѣискіе земли», Никон. летоп., 1537 г.⁵ Др.-сев. *Vjorn*, др.-шв. *Viorn* (Thoms. 393, 407—411, 414; LB 24—25, 217, 264).

И. Фасм. 662 Твер. Стар. Снм № 11059 — Берново; 666 Смол. Пореч. Снм № 9073 — Берновичи (Никола Б.); 668 Черн. Старод. Снм № 3200 — Берновичи (Бурнаичи).

Па. Твер. Летоп. Воскр.. Никон. и Соф. 2-ая, 1477—1478 и 1537 г. — Берновы села, Берново и Берновы (последнее — как обозначение жителей данного места); Новоторж., в басс. рр. Тверцы и Кропивны, ААЭ I, 165,

¹ Leskien, Die lit. zweistämm. Personennamen. Inlogerm Forsch., 1909, XXXIV, 301, 330.

² Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss., phil.-hist. Kl., 1932, XXIV.

³ Изд. И. И. Срезневского, 76 (1860 г.).

⁴ Изд. А. И. Соболевского в Чт. Общ. Нест. летоп. 1888, II, ч. 2, 30.

⁵ ПСРЛ XIII, 35.

1539 г. — Берново (у Николы в Б.); Твер. Мпк II, 224 — Берниково; Зубц. Снм №№ 4455 и 4496 — тоже; Каляз. Снм № 5846 — тоже; Корч. Снм № 6839 — тоже; Осташ. Снм № 8406 — Берники; Ржев. Снм № 10682 — Берниково; Стар. Снм № 10975 — Бернишино. Смол. АИ II, 247, 1609 г. — Берновицкий погост;¹ ЛМ (РИБ XXVII, 773) 1499 г. — Берновы; Пореч. Снм № 8560 — Бернак; Духов. Снм № 6019 — Берновичи. Р. Берниковка → Провариши → Ужа → Днепр² (Маштаков, 15).

Пб. Новг. Дер. пят. Нпк I, 438 — Берново; Шел. пят. ib. V, 369 — тоже; Беж. пят. ib. VI, 322 — Берняково, 332 — Бернятино; Устюж. АЮ II, 42, XVII в. — Берняково, Снм VIII, 84 — Берняково; Кир. Снм X, 106 — Берняково. Псков. Великол. Снм №№ 2252 и 2776 — Берниково; Опоч., Василев III, 40 — Берневка. Яросл. Люб. Снм № 2160 — Берники. Костр. Костр. Снм № 834 — Бернятино. Моск. Мпк I, 204 — Берниково; Мож., XVII в. — Берни;³ Звениг., Оп. док. и бум. I, 130, XVII в. — Бернятино; Колом. Снм № 3803 — Берняково. Калуж. Мос. АМГ I, 339, 1631 г. и др. акты XVII в. — Берна (Берно); Снм 108 — Барнятино (может быть ошибочно вместо Бернятино).⁴ Витеб. Мпк (Полоцк. пов.) I, 456 — Берново; ib., 541 — тоже; АВМ XVIII, 460 — *Bierniki*; Витеб. Снм 22¹⁵² — тоже; Гор. Снм 72⁷¹ и 93⁷⁷ — Берново, на оз. Берново или Берно; Двин. Снм 132¹⁶ — Берня-Саты, 108¹¹³ — Бернишки, 112¹⁰⁰ и 116¹¹¹ — Берняны; Дрисс. Снм 158⁴² — Бернишки; Полоц. Снм 317¹¹⁷ — Берново; Риж. Снм 334³⁶, 341⁶¹, 363¹⁵ и 403 — Бернаны. Польша. СдР III, 359, XIV в. — *Bernow* в Силезии; Zg. dz. XIV, 284, XVI в. — тоже, в районе Сандомира. Литва. Целый ряд названий на Берн- в районе Ковно и Вильно (по прежним Снм): Берники, Бернюны, Берновасты, Берниши.⁵ Тульск. Алекс. Тпк, 652 — Берники (Берникова); Снм №№ 601, 630, 695 — Берникова. Курск. Р. Берновец → Тускорь → Семь (Маштаков, 216). Киев. Zg. dz. XXI, 17, 67, и 166, XVI—XVII в. — *Bernowki*;⁶ Черк. АюзР VII; ч. I, 319, XVII в. — *blóto uroczyisko Bernawa*. Волын. Житом. АюзР VII, ч. I, 126, XVI в. — *Bernówka*. Р. Бернава (*Bernawa*) → Гнилопать → Тетерев →

¹ Повидимому, то же, что Фасм. 666.

² Как и в некоторых других моих работах, принимаю здесь условно → как знак впадения одной реки в другую.

³ Холмогорский, Ист. матер. о церкв. и сел. XVI—XVII в., X, 239 (1901 г.).

⁴ Снм изд. 1914 г.; в изд. ЦСК 1862 г. не значится.

⁵ Отмечу здесь, что в Вост. Пруссии Пирсон упоминает *Bernkapu* (см. его *Altpreuss. Namenscodex*, 253 и 493, *Zeitschr. für preuss. Landeskunde*, 1873, X), без указания местности и источника, и *Bern* — остров на Висле в актах XIII в.

⁶ Белополье б. Бердич. у. — см. П. Г. Клепатский, Очерки по истории Киевской земли, 248 и Снм, 292 (изд. 1910 г.).

Днепр (Slown. geogr.). Подол. Брацл. Zr. dz. XX, 134, XVII, в. — Bernoszowka. Галиция. Целый ряд местных названий, как Bięgna, Bernica, Bernicze и река Berny (Slown. geogr.).

Надо сказать, что число неясностей и осложнений, связанных с этой группой, соответствует ее объему, наиболее внушительному среди всех тех, с которыми нам здесь приходится иметь дело. При таком количестве материала, охватывающего, как мы видим, очень большую территорию, как нельзя более реальной представляется опасность неправильного объединения однозвучных местных названий, которые, может быть, по своему происхождению, вовсе не связаны. Это отнюдь не значит, чтобы такой метод объединения был принципиально неправильным, но в каждом отдельном случае ошибки возможны.

Начну с нескольких замечаний по поводу личного имени, являющегося заголовком данного отдела. Происхождение Бернь в древне-русских памятниках от др.-шв. Biörn вполне правдоподобно. По мнению А. И. Соболевского, отсюда же — Бермята в русских былинах, вместо Бернята, сохранившегося, со своей стороны, в русских актах XV—XVI вв.;¹ как пример производного от него местного названия, Соболевский приводит костр. Бернятино. Среди собранных мною названий, Бернишино восходит к личному имени Берниша.² С Бернята Соболевский сопоставляет отчество Бернатович в Ипат. летоп. 1208 г. (польский воевода Судислав Б.), с чем едва ли можно согласиться, несмотря на наличие в Нпк формы Берната, с *a* после *n*: дело в том, что в некоторых более поздних летописях мы имеем передачу через Бернат западно-европейского имени Bernhard.⁴ На этом основании не включаю в свой перечень производных от Берн — такие формы, как Бернатово, Бернаты, Бернатишки и т. п., очень распространенные в БССР, Польше, Литве и Галиции.⁵

Как видно из собранного здесь материала, в этих же областях встречаются уже знакомые нам и русской топонимике формы Берники и Берново. В польских и литовских актах есть фамилия Бернович, в польском памятнике XIII в. — Bogislaus filius Bernizii,⁶ среди литовских (жмудских) фамильных прозвищ — Bernis, Bernius.⁷

¹ Сб. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. 88, № 3, 243—44.

² См. Нпк V, 602.

³ Нпк II, 144.

⁴ Никон. 1564—1565 г., ПСРЛ XIII; ч. 2, 386; Густын., ib., II, 285 и 288.

⁵ Ср. в польск. и лит. актах имя и фамилию Бернат, Бернатов, Бернатский.

⁶ Бодуэн де Куртенэ. О др.-польск. яз. до XIV в., указатель, 51 (1870 г.); автор причисляет это имя к трудно объяснимым и сомнительным.

⁷ Кузнецов, Личн. имена у литовцев. Жив. стар., 1896, I, 46.

Даже если оставить в стороне польскую и литовскую группу Бернат, как позднюю (не раньше христианской эпохи и усвоения соответственных личных имен), дело остается неясным. Лит. Bern- требует, прежде всего, выяснения на почве литовского же языка.¹ Непосредственная связь с др.-сев. Björn представляется здесь сомнительной.

Относительно Берн- в топонимике СССР приходится отметить одно обстоятельство в связи с такой, казалось бы, простой и первичной формой, как Берново, весьма благополучно объясняющейся из Бернь < Biörn. В Тверском крае в XVI—XVII вв. известна фамилия Бернов.² Возможно происхождение ее от местного названия, а не наоборот, но не исключено и это последнее. Наличие позднейших фамильных наименований, как мне представляется, всегда ослабляет значение совпадающих с ними местных названий, как материала для восстановления географической номенклатуры более древнего периода, в данном случае — для отыскания следов варягов на Руси. Даже в местностях, куда скандинавы несомненно проникали в своих военно-торговых поездках, подобные названия могут носить вторичный характер и относиться не к норманскому периоду, а к эпохе московского феодализма, помещичьего землевладения, связанных с ним передвижений и поселений крестьян и т. д.³ Древнее, первичное происхождение здесь не исключено, но едва ли может быть с уверенностью доказано, даже, если личное имя, к которому восходит и само название, и фамилия (вроде Бернов), вполне правдоподобно объясняется из древне-скандинавской ономастики. Более убедительными в смысле непосредственной связи с этой последней являются, может быть, производные от скандинавских имен, неизвестных или мало известных в древне-русском обиходе, насколько можно судить по дошедшим до нас памятникам.

Относительно калуж. Берно необходимо отметить следующее: внешне сходное с группой, производимой от Берн < Biörn, оно, тем не менее, имеет, по видимому, другое происхождение: по актам XVIII в. Берно находится в районе Бервенского стана; в Снм № 3184 здесь же значится ручей Бервенка. Все это указывает ближайшим образом на объяснение в связи с др.-

¹ Не зная его, могу лишь предположительно указать на лит. bernas, дитя, отрок, слуга (см. о нем Much, PBB, 1893, XVII, 158).

² Л. М. Савелов. Родословн. записи I, 167—168 (1906 г.).

³ О возможности вторичного характера скандинавских по своему происхождению названий говорит и Фасмер, указывая на Архангельский и Вологодский край, где они не идут непосредственно от скандинавов, а занесены русскими в процессе северной и северо-восточной колонизации (672—673). Считаю, со своей стороны, сомнения относительно первичного характера подобных топонимических данных вполне возможными в более широкой мере, и не только в районах, о которых говорит в данном случае Фасмер.

русс. бернб <брьвьно.¹ Местные названия Бервеновка, Бревновская, Бревенной, и т. п. встречаются, со своей стороны, в топонимике разных областей СССР.²

В результате считаю вопрос о местных названиях данной группы неясным; изложенные мною замечания лишь несколько освещают его с разных сторон, но отнюдь не решают его до конца. Возможно, что к нему, вообще, надо подойти иначе и искать его решения не на почве того или иного исторически известного языка, будь то литовский, древне-северный или древне-русский, а в более глубокой древности, и при помощи методов палеонтологии языка.

* Бурягъ

Шведское местное название Buginge, личное имя Bogi, Buri, (LB 32); см. Эбл., Bugēi.

1. Фасм.³ 657. Петерб. Гдов. Снм № 1018 — Буряжи;⁴ 659 Новг. Новг. Снм I, 20 — Бурегии Стар. и Нов.;⁵ 691 Псков. Порх. Снм № 11449 — 11450 — Буриги Стар. и Нов.; 666 Смол. Пореч. Снм № 9076 — Бурезы (Буризы), № 9014 — Буризы (Русаново), 667 Ельн. Снм № 7075 — Буряки (Прилуки); 668 Мин. Моз., Семенов, IX, 252 — Бурязь.⁶

Ша. Новг. Шел. пят. Нпк IV, 143 и 453 — Бурезско;⁷ Новг. Снм I, 92 — Бурегии: Борович. Снм VI, 110 — тоже.

Пб. Киев. Радом. Снм, 1275 — Бурецкое, между рр. Припетью и Ильей. Может быть, также Волын. Луцк. Буряковщина, в басс. верх. теч. Горыни (Аюз Р, VI, ч. I, прил., 167, XVI в.).

Как указано у Эблома, ударение в новгородском местном произношении — на первом слоге, Бурегии;⁸ тоже самое имела случай слышать от местных жителей и я, также, как и о чередовании окончания -ги и -ки (ср. смол. Буряки, Фасм. 667).

¹ О различных формах этого слова в связи с историей глухих гласных см. А. И. Соболевского, Лекц. по ист. русск. яз., 27—28, 49, 111 изд. 4, 1907 г.

² Возможно, что сюда же относится, напр., смол. Берносече (Лебедев, Обзор Красн. у. Смол. г., 82), также название реки Берновец в бассейне Семи (см. выше).

³ Привожу из работы этого автора только то, что является у него дополнением к Эблomu.

⁴ Нпк IV, 145, Шел. пят.

⁵ Нпк V, 265 и 379, Шел. пят.

⁶ По Снм изд. 1924 г. иначе Бурязь.

⁷ (см Псков. Порх. № 11569 — Буриско).

⁸ Bugēi, 134.

Шведский топонимист И. Сальгрен возводит «буряжскую» группу к шведск. диал. bår (bor), обозначающему волок.¹ Такое объяснение переносит толкование данной группы названий из области ономастики в сферу топонимических обозначений, связанных с путями сообщения и торговли. Восстановить такие обозначения в связи с варяжской торговлей на Руси было бы чрезвычайно интересно. Здесь возникает вопрос о взаимоотношениях между местным населением и скандинавскими военно-торговыми дружинами; последние едва ли всегда обходились собственными силами и оставались замкнутыми в себе при своих поездках, при перегрузке купленных, награбленных или собранных в виде дани товаров на волоках, порогах, пристанях и складочных местах; во всем этом участвовало, вероятно, и местное население в качестве грузчиков, перевозчиков, лоцманов, хорошо знающих местность и водные пути; устанавливавшиеся при этом взаимоотношения входили, так или иначе, в трудовую жизнь местного населения. Каковы были их характер и формы — вне-экономическое принуждение со стороны вооруженного и воинственного пришлого элемента или наем по договору? Последнее мы встречаем позже, в иной исторической обстановке, и при иных формах торговли — в XIII в., где подобные отношения засвидетельствованы столь интересными в этом смысле документами, как обе редакции известного русско-ганзейского договора 1268 и 1269 гг. Для рассмотрения здесь периода вероятнее, конечно, первая возможность, но не исключена и вторая, в зависимости от того, как складывались отношения в той или иной области Руси.

Вопрос о «бурягах» в настоящее время подвергается дальнейшей разработке. В своей новой статье «Vereinigungen unter den Nordländern im alten Russland»² Эблом отказывается от возведения «буряжской» группы местных названий к личному имени Buri в виду их большого числа в разных местах СССР, причем ссылается на «Wikingersprung» Фасмера. Со стороны социального значения он определяет «бурягов», как слой населения, занимавший более скромное положение, чем варяги, как простых колонистов, находившихся, может быть, на службе у этих последних.³

Как видно из сказанного выше, мои соображения по этому поводу являются попыткой связать это, может быть, действительно, скандинавское

¹ Wikingersfahrten im Osten, Zeitschr. für slav. Phil., 1931, VIII 314—315. На эту работу ссылается и Фасмер (657).

² Zeitschr. für slav. Phil., 1933, X, 1—20; в дальнейшем обозначаю сокращенно «Vereinigungen».

³ Vereinigungen, 2.

по своему происхождению, наименование не с пришлым элементом, а с местным населением.

Далее, Экблом приходит к отрицательному отношению к уже отмеченному здесь объяснению Сальгрена, указывая на то, что не все русские Буряги, и не все шведские Buringe, расположены на местах, где можно предполагать путь волоком.¹ Кроме того, краткое *и* в *buring- должно было в древнерусском дать глухой гласный *з*, а не *у*, соответствующее сканд. долготу *и*, *buring-. С этим последним Экблом сопоставляет др.-верх.-нем. būring, поселенец, colonus.² Для др.-сев. *buring- он предполагает аналогичное значение в связи с būg — небольшой дом, горница; отсюда *būringar — «буряги», объединение людей, живущих в одном помещении;³ это — сравнительно низший слой населения, оседлый, составлявший организацию, аналогичную варягам, и колбягам, и занимавшийся работой по транспорту, а, следовательно, представляющий собою предшественников тех vorschkerle, об артельных объединениях которых мы знаем по русско-ганзейским актам XIII в.⁴

Со своей стороны замечу, опять-таки, что, как и эти vorschkerle, их предшественники могли быть местными жителями, работавшими на пришлых купцов-воинов, как уже сказано, по принуждению, или на договорных началах. Если к тому же сканд. *buring с тем значением, какое принимает для него Экблом, восходят и шведские местные названия Buringe, согласно чему и здесь предполагается соответственная социальная группа,⁵ то это еще не доказывает, что аналогичные объединения на Руси должны были непременно состоять из скандинавов. Для такой работы, какую выполняли позднейшие vorschkerle, необходимо, прежде всего, знакомство с местными речными путями, которым и обладало местное же население.

Интересны замечания Экблома об эволюции термина «буряг», аналогичной эволюции «варяг» и «колбяг» — диал. варяг, торговец-разносчик, колбяк — неуклюжий, неповоротливый человек: ср. твер. буряк у Даля в значении серлак, сермяжник.⁶

¹ Vereinigungen, 4—6.

² К производным от него местным названиям в Германии, на которые ссылается Экблом (см. Förstemann, Althochdeutsch. Namenbuch, II, 616); добавлю Buringen в В. Пруссии (Mosh. hist. Warm., I, № 213, 1323 г.).

³ Vereinigungen, 13—14.

⁴ Ibid., 14.

⁵ Ibid., 17.

⁶ Ibid., 19—20.

Отражение слова «буряг», как бы оно ни объяснялось, в др.-русс. ономастике и в позднейших фамильных наименованиях мне не встречалось. В виде предположения укажу на новг. Бурятино, Вот. пят.¹ — может быть, от *Бурята (типа Вышата, Путята и т. п.).

В связи со сказанным здесь о «бурягах», как о трудовом объединении, отмечу арх. бурга́, артель беломорских охотников-промышленников, тюленщиков.² Правоподобна ли связь между этими двумя обозначениями — могут решить специалисты-филологи.

Вопрос о происхождении и значении «буряжской» группы местных названий едва ли можно считать окончательно решенным; в предложенных мною здесь замечаниях высказаны лишь очередные соображения по этому поводу.

В топонимике Новгородского края есть неясная по своему происхождению группа, может быть, связанная с той, которую мы здесь рассматриваем: речное и местное название Бурга, Снм Новг. Крест. IV, 38 и 40; Бургино, Дер. пят., Нпк II 718; ср. Бургово, Снм Твер. Ржев. № 10082. Ударение в местном новгородском говоре бывает как на первом слоге, Бурга́, так и на втором, Бурга́. Неясно, с другой стороны, насколько можно сближать с этой группой ту, которая имеет *о* в первом слоге: новг. Боргино, Боргин остров, Вот пят.,³ Боргово Псков. Тороп. Снм № 12747, а также Борже Дер. пят., Нпк II 287.

Если для этой последней группы искать скандинавское происхождение, то можно указать на др.-шв. имя Borgh, Borghe (LB 31) или на borg — укрепленный пункт, город, городище, иногда — невысокая гора (в топонимике Исландии). Надо сказать, что следов наиболее обычных в скандинавской топонимике обозначений borg, staðr (мн. staðir), by, и т. п., среди русских местных названий не встречается, или, по крайней мере, до сих пор не вскрыто.⁴

¹ Врем. XI, 102.

² Даль и «Доп. к оп. обл. великорусск. словаря».

³ Врем. XI, 91 и др.

⁴ За последнее время было сделано несколько попыток в этом направлении: см. выше, Сальгрен о швед. båg и русс. Буряги, а также Фасмер 670—671 — др.-сев. vadill, брод, и Водло в Карельской АССР, швед. Vadsjö и Вадезеро; все это такие случаи, когда приходится не только учитывать возможность объяснения из финского языка, как признает и сам Фасмер, но, вообще, исследовать вопрос иначе — не в пределах данного периода и скандинавской, русской или финской филологии, а в более широком языковом освещении. Новг. и псков. названия Звад, Взвад, Извад, объясняемые Фасмером, как др.-сев. úxi (бык) + vad (брод) и öss (устье) + vad (658—660, 661), требуют, прежде всего, точной проверки со стороны русского языка и диалектологин.

*Буты

Др.-сев. *Bóti*, др.-шв. *Bote* (LB 32).

I. Фасм. 662 Псков. Опоч. Снм № 5998 — Бутово; 663 Твер. Стар. Снм № 11438 — тоже.

Па. Псков. Пк XVII в., Иванов, 187 — Бутова (Гунтова) и Бутово, 189 — Бутова (Вислова). Твер. Мпк II, 54, 247, 253 — Бутово.

Пб. Не перечисляю названий типа Бутово, Бутовка, и т. п. во всех остальных районах нашего Союза; их чрезвычайно много и известны они, начиная с актов нач. XV в. и кончая Снм, в Новгородском и Московском крае, в БССР, ЦЧО и УССР; в актах XVII в. есть украинская фамилия (или прозвище) Бут. Самый корень «бут» встречается в разных значениях в русских говорах, и, может быть следовало бы начать анализ с этого материала раньше, чем предполагать заимствование.

*Буфость (Бухвость)

Др.-шв. *Bofast* (LB 30).

I. Фасм. 663 Твер. Твер., Каш. и Осташ. Снм №№ 635, 5985 и 9153 — Бухвостово. 672 Волог. Волог. Снм № 85 — тоже.

Па. Твер. Мпк II, 164 — Бухвостово; *ib.*, 182 — тоже.

Пб. Новг. Дер. пят. Нпк I, 146 и VI, 328 — Бухвостово; I, 645 — тоже. Ярослав. Акты Яросл. Спасс. мон.,¹ 5, XVII в. — тоже. Ряз. Скоп. Снм № 3130 — Бухвостово.

Др.-шв. *Bofast* — одно из тех скандинавских личных имен, которые являются одновременно и социальными терминами; его значение — оседлый, имеющий собственное жилье.²

С формальной стороны предлагаемое Фасмером объяснение вполне правдоподобно. Обратив внимание на эту группу несколько лет тому назад я сначала считала ее несомненно скандинавской по происхождению, но в дальнейшем пришлось учесть наличие в русских говорах таких слов, как *бұхвастить* 1) мелко и часто звонить 2) сплетничать, наговаривать, *бұхвастень*, *оұхвастник* — сплетник (псков., твер., яросл., нижегор., казан. — см. Даль и др.); ср. псков. *бұхвастить*, *бұхвостка*, с тем же значением. Аналогичное образование с приставкой *бу-* мы видим в арх. *бухмарá*, *бухмарь*, *мгла*, *туман* (ср. *хмарá*).

¹ Изд. А. Вахрамеева, 1896.

² В др.-шв. законах и актах *bofaster*, *bolfaster*; у LB значит также в качестве прозвища. Неясное *Buefast* в дог. 945 г. Томсен связывает не с *Bofast*, а с *Vifast* (414).

Полагаю, что и местные названия данной группы, и фамилия Бухвостов, известная в актах московского периода,¹ ближайшим образом объясняются из *бұхвастить*, и т. п., а не из заимствованного имени.

Варягъ

Др.-сев. *váringi*, *váringr*, вернее — *vāring-*, до перегласовки *ā > ē* (Экбл., Rus-, 33—34, Thoms. 375).

I. Фасм.² 658 Петерб. Р. Веряжка, прит. Луги. 661 Псков. Холм. Снм № 14029 — Веряжа. 663 Твер. Вышнево. Снм № 3915 — Варижа Большая и Мал. 664 Ярослав. Ром.-Бор. Снм № 6877 — Варегово, *ib.* XII — Варегово болото³; Люб. Снм № 2561 — р. Варезка. 665 Влад. Мур. Снм № 3377 — Варез на р. Ушне, № 3630 — тоже, на Оке. 666 Смолен. Красн. Снм № 7061 — Варезки (Варычки). 669 ПСРЛ VII, 130, 1223 г. — Варяжский остров на Днепре. 672 Олон. Петрозав. Снм № 115 — Веряжи Нижн. и Верхн.

Па. Новг. Вот. пят. Врем. XI, 248 — Варягово на Кобылицах; *ib.* 130 и 139 — Варягово на Неве (*Jord. Ing. I*, ч. 2, 211 и 218 — *Wargowa Nisnea*, *W. Werchinea*); *ib.*, 290 и 298 — Вереговичи (Вьресовичи) на Высоком Химкине; Врем. XII, 105 — Вережь на Вези (*Jord. Ing. I*, ч. 1, 122 — *Veress ödhe*).⁴

Веряжа Экбл. Rus-, 40 и 41 — Верижина, Веряжица Горняя в Нпк V, 389 и 398.⁵ Варяжская улица ошибочно помещена Экбломом в Млевском погосте Дер. пят. (Rus-, 51 и карта): Нпк I, 150 пишет «во Млевскомъ же погостѣ деревни Павлова монастыря съ Варяжской улицы» и т. д., имея, очевидно в виду Новгородский монастырь св. Павла и его земельные владения в данном погосте.

Неясными в смысле местоположения и возможности отождествления с другими «варяжскими» названиями Новгородского края, вследствие неполноты и неопределенности указаний, остаются следующие: Иванов, 26, Пк Дер. пят. 1581 г. — Вережье; *ib.*, 4, Пк Вот. пят. 1582 г. — Вережа в Корельской половине и две Веряжи; *ib.*, 87 и 121, Пк Обон. пят.

¹ АЮ № 107, XVI в. и др. Отмечена Соболевским («Лекции», 127), но без объяснения.

² Как и в отделе «буряг», привожу из «*Wikingersprung*» только то, в чем автор дополняет Экблома.

³ Оба эти яросл. названия см. у Экблома, Rus-, 57, прим. 1, где они взяты из указанной выше работы Тихомирова.

⁴ Форма этого названия не ясна: на карте Вотск. пят. архим. Сергия — Вересы, а в тексте (черты церк.-прих. и монасты. быта по писц. ан. Вотск. пят. 1500 г., 399) — Вересть, т. е. форма, едва ли относящаяся к данной группе.

⁵ Там же, 408 — Верижица.

1620 г. — пустошь Вережанская в Нагорной половине и Веряжа (Сичюница за Веряжею); *ib.*, 132, Пк 1626—1627 г., без указания пятин — Вережское.

Псков. СМА V, 135 и 138, Дубк. у. XVI—XVII вв. — Навережье, Навережская губа¹ и р. Вережка; Псков., Василев I, 20 — Вережье-Багово. Твер. Каляз. Снм № 5523 — Вережино; Каш. Снм № 6187 — тоже. Влад., в районе Переяславля-Залесского — Варягово.²

Пб. Витеб. АВМ XX, 499, XVI в. — Веразинское; *ib.* XXI, 73, XVIII в. — Вережье;³ *ib.* XXII, 488 — р. Вережа. Двин. Снм № 11977 — Вареша; Реж. Снм 341⁸⁶ — Ваража. Могил. Орш. АВМ XXI, 326, XVII в. — Вережье; Могил. Снм 4⁴⁷ — Заверенье. Мин. Борис. Снм изд. 1924 г., 234 — Вераги. Черниг. Р. Варешка (Вережка) → Ужик → Днепр (Маштаков, 41); *Zg. dz.* XX, предисл., 27 — река Wereseczka в басс. Десны; оз. Варяжское или Вареги.⁴

Со стороны фонетической мы видим среди всех этих названий чередование форм с *a* и *e* в первом слоге, разъясненное Экблом⁵ (Варягово и Веряжа), чередование *a* и *e* во втором слоге⁶ (Варягов и Варегово) и, наконец, то, что этот же автор называет ложным полногласием, т. е. замену редкой в русском яз. комбинации *-еря-* через весьма частую, полногласную *-ере-*;⁷ фактических примеров типа «Вережье» Экблом при этом не приводит. На основании его соображений по этому поводу включаю подобные формы в свой перечень. Некоторое затруднение представляет собою витеб. Вережье: может быть, здесь мы имеем замену суфф. *-я* через *-як* (отсюда *ч*)⁸ и *-еря* — через *-ере*.

Что касается Вережье, то здесь намечается как в старинных актах, так и в новых записях, колебание между нашей «варяжской» группой и другой, производной от *верж-*:⁹ новг. Вержица при Веряжица и Веряжица (см. выше), исков. Навережье и Навержье (Снм № 8108—8109).

¹ Нережская губа в псков. Пк XVII в., Иванов, 242 — может быть, тоже самое, в искаженном виде.

² Пустошь по алфавиту дач Генерального межевания (М. И. Смирнов. Наставл. к изуч. местн. геогр. наимен., 7, 1927 г.).

³ Может быть, то же, что Снм 7124.

⁴ Куник, Известия Аль-Бекри, II, 52—53.

⁵ *Rus-*, 33—34.

⁶ *Ibid.*, 35—36.

⁷ *Ibid.*, 37.

⁸ Ср. олон. Веряки, Фасм. 672 и замечания по поводу смол. Буряки, 667 со ссылкой на Экбл. *Rus-*, 55, прим. 4.

⁹ Под этой последней я подразумеваю такие названия, как смол. Вержавск (грамота Ростислава 1150 г.), Вержица в Смоленском же крае, псков. Вержа (название реки) и др.

Сомнительной представляется мне непосредственная связь с «варяжской» группой для таких названий, как Вережульский, Вережунский на Зап. Двине.¹

Не перечисляя целого ряда других образований, может быть, лишь внешне сходных с нашей группой и требующих, во всяком случае, дальнейшего исследования, отмечу лишь вкратце группу Вере-, непосредственной близости с «варяжской» не имеющую:² р. Веренда, впадающая в Ильмень,³ р. Вересочь → Остер → Десна → Днепр (Маштаков, 207), п мн. др. О ней приходится упомянуть, раз что здесь затронут вопрос об элементе *вере-*; кроме того, о ней уже писал Соболевский,⁴ предлагая отнести сюда же, а не к «варяг», новг. Веряжа и Warežanka в басс. Вислы.⁵

Этот вопрос еще ждет дальнейших лингвистических разысканий. Наряду с этим надо было бы выяснить также значение таких явлений в нашей топонимике, как пенз. Варижка, р. Варяж в басс. Камы, уфим. Варяш.

По поводу названия Вериговщина Экблом выражает сомнение относительно принадлежности его к рассматриваемой здесь группе и указывает на возможность связи со словом *вериги*.⁶ Названия Веригино и Верижино весьма распространены как по старинным актам, так и по Снм, в Новгородском и Верхне-волжском районе, также в БССР. Среди них твер. Веригино (Мпк II, 220) имеет вариант Верегино. Наряду с личным именем Верига (новг., моск. и твер. акты XVI—XVII вв.) есть Верега (ю.-з., XVI в.), а в русско-литовских актах того же времени — Верижиць, Вережиць, Вережишко. Вопрос о данной особой группе, с *и* во втором слоге, имеющим, может быть, в разных условиях неодинаковое происхождение, остается пока неясным.

Что касается первичного характера наших «варяжских» названий, то, повидимому, здесь едва ли применимы соображения, на основании которых

¹ Акты XVII в. и современная номенклатура.

² Это отнюдь не значит, чтобы таковую нельзя было, в конце концов, вскрыть при помощи соответственных методов исследования.

³ А. Л. Погодин считает название Веренда скандинавским по происхождению, но не от слова «варяг» (Три заметки о начале русс. государства. *Slavia*, 1932 г. ч. I, 139). Насколько мне известно по библиографическим данным, Экблом рассматривает его так же, как скандинавское (*Ett ryskt ortnamn av nordiskt ursprung. German. studier*, 1932).

⁴ ИОРЯС XXVII, 271, 278, XXXI. 12, 20; по Соболевскому здесь в основе др.-лнд. *vār* вода, др.-бактр. *vār*, дождь.

⁵ ИОРЯС XXXI, 24—25; ИРЯС II, ч. 1, 171; *Slavia* 1930, VIII, ч. 4, 762—763; о названии Warežanka, как «варяжском», см. Ekblom, Die Waräger im Weichselgebiet, *Arch. für slav. Phil.*, 1925, XXXIX.

⁶ *Rus-*, 55—57; см. также замечания Фасмера в его рецензии на эту работу в *Zeitschr. für slav. Phil.*, 1924, I, 252—253.

можно в нем усомниться. Соболевский предлагал возводить такие названия, как Варягово, к фамилии, происходящей от имени канонизированного русской церковью Иоанна-варяга, по аналогии с фамилиями Волнов, Кушников (от Иоанна-воина и Иоанна-кушника) или же к личному имени Варяг.¹ Это последнее в древне-русской ономастике почти неизвестно.² Предположение Соболевского мне представляется, поэтому, мало обоснованным.

Существенным является вопрос о происхождении этих местных и речных названий, в смысле того, кем они даны. Экблом в своей новой работе справедливо замечает, что, если говорить об этих местах, как о торговых пунктах, то ни одно из них, как оказывается, не достигло в дальнейшем значения сколько нибудь крупного местного центра.³ К этому можно добавить, что ни один из больших древне-русских городов не носит названия, объясняющегося из скандинавского. Первоначальное возникновение их, таким образом, непосредственно с норманнами не связывается; что эти центры и идущие через них торговые пути были ими в свое время широко использованы — дело другое.

Предполагаю, со своей стороны, что названия данной группы могли быть даны местным населением в связи с движением скандинавов по этим путям, а не ими самими. В древне-северных сагах термин *vǫ́ringi* имеет значение военный наемник, и при том, преимущественно, в Византии. Связь же его с торговлей наиболее четко выражена в русск. диал. варяг, торговец-разнощик.⁴ Здесь могут возразить, что варяги-викинги едва ли пускались торговать в одиночку среди славянских и финских племен, особенно в началь-

¹ *Slavia VIII*, ч. 4, 763. Источник у Соболевского не указан; лично мне фамилия Варягов в старинных актах не попадалась.

² Летопись знает одного Варяжько, Лавр. 980 г. По аналогии с попыткой возвести новг. местное название Бурятинно к *бурягъ через личное имя *Бурята, укажу, также лишь предположительно, на возможное *Варята или *Верята в составе след. названий: черниг. Варятин (См. № 2256, б. Новг.-Сев. у.), витеб. Верятинно (См., 291²⁶ — повидному, то же, что Верятин в актах XVI в.) и псков. оз. Верято в басс. р. Великой (Шанько, 30²⁶⁰).

³ *Vereinigungen*, 10.

⁴ См. Даль под этим словом, также тамб. варять — торговать по селениям (отсюда, по мнению Даля, варяг) и интересную характеристику «варяга бывалого», как ловкого и предприимчивого торговца, у М. Н. Макарова в его «Опыте русск. простонародного словоотдковника» (Чт. об. ист. и др. в., 1845 г., I). С этой характеристикой совершенно, между прочим, не вяжется вятск. *vǫ́rega* — вялый человек, пустой, беспутный, что, может быть, стоит в связи не с «варяг», а с «вǫ́рга, вǫ́режка» — перчатка, рукавица, причем представление о предмете мягком, податливом, сказывается здесь, приблизительно, так же, как в выражении «экая он шляпа». Что касается принимаемой обычно «варяжской» этимологии *vǫ́rega*, *vǫ́режка* (см. Экблом, *Rus-*, 37), то она представляется пр-вдоподобной, если и не единственно возможной (см. у Н. Я. Марра, *Язык. полит. яфет. теории и удмуртск. яз.*, 72, иное объяснение, в связи с *vǫ́r || mar*, рука).

ную пору своего общения с ними, и что их торговле более свойственна форма организованных и вооруженных объединений того типа, который известен нам из древне-северных саг. Но и с диал. варяг, судя по определению у Макарова (ук. соч.), связывается понятие о стоящей за ним организации — «торговец-разнощик, торгующий по разным сторонам от общины», если только можно понимать это определение в таком смысле. Здесь надо учитывать и то, что данные, которые мы находим у Даля и Макарова, при всем представляемом ими интересе, до сих пор не проверены и не уточнены в нашей современной диалектологической литературе, где могли бы быть привлечены к делу новые, критически разработанные материалы. На древность диал. «варяг» указывает, повидному, и форма с *a* в первом слоге.¹ Связь же его с торговлей вообще, чуждая др.-сев. *vǫ́ringi*, факт очень интересный и значительный. В нашей научной литературе еще нет исчерпывающего исследования этого термина с точки зрения нашего нового учения о языке — исследования, которое вывело бы его за пределы др.-сев. *vǫ́rag* (мн. ч.), клятва, в связи с которым, как известно, объясняются и другие германские слова, сопоставляемые с *vǫ́ringi*; до сих пор оно принималось германистами, начиная с Томсена (363 сл., 377 сл., 429 сл.), как исходная точка. Задачей дальнейших лингвистических исследований является постановка вопроса об этом термине в более широком масштабе.

Местное название Велижь

Швед. *Vällinge*.

I. Фасм. 668—669 Витеб., б. уездный город Велижь.

Пб. Новг. Р. Велиж в басс. Волхова (Шанько, 60²⁷²). Тул. Кашир. Мпк II, 1442 — р. Велиж; *ib.*, 1510 — Велижево или Велиже.

Фасмер, повидному, совершенно справедливо ставит под вопросом свое предположение о связи Велижь с *Vällinge*. Перенесение шведских местных названий на Русь мало вероятно;² исходная форма здесь, скорее всего, не скандинавская; может быть, ее следует искать в таком названии, как витеб. Велидичи (См. 20⁴²) и предположить для Велижь смягчение *d* в *ж*. Родство этого названия с *Vällinge* не исключено, но искать его придется не в пределах скандинавско-русских отношений эпохи викингов.

¹ См. о ней Экблом, *Rus-*, 34.

² У Фасмера есть несколько подобных примеров, в частности из Ленинградского района (658); к некоторым из них он сам относится с осторожностью.

остаётся неясным, поскольку не проверена его связь с тем же «гудеть», или с чем-нибудь иным.

Относительно высказанных недавно Экбломом соображений о Гуды < Gudhi в греко-русс. договорах и о передаче сканд. краткого *u* не непосредственно через др.-русс. *y* (здесь в это время должен был появиться глухой гласный *z*), а через греч. *ou* в греческом же тексте договоров,¹ можно сказать следующее: не касаясь самого вопроса о следах греческого написания в этих договорах, для объяснения русск. *y* в Гуды можно принять указанное у Томсена по поводу этого имени др.-шв. *Godhe, Gothe* (LB 69), где долгое *o* соответствует др.-русс. *y*.

* Дюрбень

Др.-шв. *Dyrbiorn* (LB 47).

Г. Фасм. 665 Костр. Чухл. Снм № 10231 — Дюрбенево.

Сколько-нибудь веских прямых возражений эта этимология, как мне представляется, не встречает. Тем не менее, считаю возможным поставить вопрос о том, не является ли *ю* в первом слоге случайным и ошибочным вместо *e*, или же обусловленным какими-нибудь фонетическими особенностями говора. Если бы данное название представляло собою уникум, или, во всяком случае, явление редкое, этот вопрос, может быть, и не возник бы, но в топонимике нашего Союза² есть целая группа таких названий, как Дербенино, Дербениха, Дербинки и т. п., которые ближайшим образом можно возвести к дерба́, дербина́, дербе́нь — залежь, чицо́ба, починок.

Егри

Дог. 945 г. — Егри Ерлисковъ. Др.-шв. *Naeghre* (Thoms. 394, LB 115, личное имя или прозвище — др.-шв. *naegher*, цалля).

Влад. Мелен. Снм № 3269 — Егрива.

Емигъ

Дог. 945 г. Др.-сев. *Heminger*, др.-шв. *Haeminger* (Thoms. 394, LB 118—120, Noreen, Altschwed. Germ., § 230).

Твер. Емиги у оз. Селягер — см. Барсов, Очерки русс. истор. геогр., 243 (1885 г.);³ этот автор связывает данное местное название с племе-

¹ Vereinigungen, 7—8.

² Тот же Костромской край, Новг., Псков., Влад., БССР, ЦЧО.

³ Здесь приходится сразу же оговориться, что указание Барсова вызывает некоторые сомнения: Емиги не найдены мною ни на 3-х верстной военно-топографической карте, ни в Сми.

нем Емь. Что касается личного имени Емигъ, то Миккола считает, что оно должно было появиться в древне-русском в период изменения произношения носовых гласных, так же, как и Игорь < *Ingvarr*.¹ Для более раннего времени мы имели бы Емягъ, как «варяг» и «колбятъ».

Иворъ

Дог. 945 г. и часто в летописях, кончая XIII в.; ср. Иворъ, шведский воевода, в Новг. I летоп. 1445 г. Др.-сев. *Ívarr*, др.-шв. *Ivar* (Thoms. 400, LB 140—141).

Г. Фасм. 664 Костр. Кинеш. Снм № 5812 — Иворово. 666 Влад. Юр. Снм № 6289 — тоже.²

Пб. Псков. Избор. СМА V, 316, XVI в. — Иворовица. Волог. Устюж. Снм № 11136 — Иворовское. Твер. Стар. Мпк II, 404 — Иворовская волость; Снм № 11353 — Иворское. Тул. Мпк II, 1125 — Иворовка; Снм Богор. № 827 — тоже, на р. Иворовке.

Ивор — одно из самых распространенных в древней Руси скандинавских личных имен. Между прочим, мы его находим в XIII в. в Галицком княжестве, где его носит «безаконникъ... отъ племени смердя», И. Молибожичъ (Иват. летоп. 1240 г.). В этом крае, да еще среди широких масс населения, едва ли можно предполагать непосредственное заимствование этого имени от норманнов. Именно вследствие своей распространенности в древней Руси оно представляется одним из наименее показательных в смысле прямой связи со скандинавами.

* Инаръ

Др.-сев. *Einar*, др.-шв. *Enar* (LB 48).

Г. Фасм. 664 Яросл. Мышк. Снм № 3619 — Инарево; Молож. № 3595 — Инарово.

Не без сомнений добавляю Псков. Порх. Снм № 10856 — Енарьево, отличающееся по начальной гласной и по форме окончания; может быть, и оно, и в особенности — Енаровка, Витеб. Невел. Снм, 284⁸⁶, восходит к литовскому имени *Einaras, Einoras*,³ вероятно, лишь внешне сходному с др.-сев. *Einar*.

¹ Berühr. zwisch. westfinnn. und slav. Sprachen, 49—50 (Mém. Soc. Finno-Ougr., 1894, VIII); см. также Thomsen, 363, прим. I.

² Может быть, тождественно с Иворовым, упоминаемым в грамоте 1406 г., СГГД I, № 39.

³ Leskien, ук. соч. (Indogerm. Forsch. XXVI, 331 и 334). Встречается в русско-литовских актах и в топонимике Литвы и БССР.

*Инжеварь

Др.-шв. Ingevar, LB 131, где оно значится отдельно от Inguar, от которого обычно производят др.-русс. Игорь и Ингварь (Thoms. 398—399).

АЮ № 152, 1567 г. — село Кир.-Белоз. монастыря Инжеварьское; Яросл. Снм № 5046 — Инжеверово (Инжарово).

Сопоставление с Ingevar, может быть, не вполне убедительно, так как это имя, судя по LB 131, сравнительно, редкое, и засвидетельствовано довольно поздно.

Клекъ

Дог. 945 г. — Коль Клековъ. Др.-сев. Kleggi, Kleggr, др.-шв. Klak, Klakke или *Klægge, восстанавливаемое по местному названию Kleggeruth (Thoms. 401, LB 150).

Влад. ААЭ I № 139, 1504 г. Клековъ станъ, в басс. Оки, по рр. Поле и Буже.

Кольягъ

Русская Правда по Акад. сп. § 10: «аще ли челядинъ съкрыется, любо оу варяга, любо оу кольбяга...»; по Карамз. сп. § 26: «иже побьхнеть мужъ мужа... аще боудеть варягъ или кольбягъ, то полная ведока вывести...» и т. д.; по Синод. сп., статья «оже придесть крѣвав моужъ»: «оже боудеть варягъ или кольбягъ...» и т. д.

Др.-сев. Kulfingar (мн. ч.), др.-шв. Ku(l)fiŋkŋ в качестве личного имени в рунических надписях из Упланда и Сёдерманланда (см. Noreen, Altschwed. Gramm. § 315^{2b}).

I. Фасм. 659 Новг., в 170 км к сев.-вост. от Новгорода — Колбяги.¹ 661 Псков. Псков. Снм № 1330 — Колбижицы.²

Пб. Киев. Zr. dz. XXI, 479, 1604 г. — Kolbeżycze.

Это южное «колбяжское» название упоминается у Клепатского в его «Очерках по истории Киевск. земли», 254, среди других селений Житомирского повета XVII в., расположенных между средним течением Тетерева и верхним течением Здвижа. По Снм б. Киевск. губ. (изд. Киев. губ. стат. комит., 1900 г.) не значится; по приложенной к нему карте, по карте у Клепатского и по сопоставлению окружающих местных названий, Кол-

¹ По Снм VII, 18, б. Тихв. у. — Колбеки; часто упоминается в актах XVI—XVII вв. — Колбяги, Колбеги.

² В актах XVI—XVII вв. также Колбежицы, Колбежичи.

beżycze должно было находиться в ю.-в. части б. Радомысл. у., Брусиловской вол.¹

Название это интересно, как производное от «колбяг», до сих пор не отмеченное исследователями, занимавшимися этим словом. К сожалению, нельзя сказать, чтобы оно содействовало окончательному решению вопроса об этом термине и его значении, остающимся до сих пор неясным. Относительно его этнического и социального содержания мнения исследователей пока расходятся.

В своих «Beiträge zur slav. Altertumskunde. Kulfingar»² Фасмер считает совершенно необоснованной попытку В. А. Брима отождествить колбягов с финским племенем Водь,³ а также и мое предположение о тождестве их, если не с Водью именно, то с каким-нибудь иным племенем финского же происхождения.⁴ Совершенно фантастичной представляется ему и предлагаемое Бримом и мною объяснение византийских Κολβιγγοι в таком же смысле. Что «безобидная Водь» (die harmlosen Woten) сама по себе едва ли могла быть пригодным элементом для византийских наемных войск, наряду с варягами и др., совершенно верно, но, если представители финских племен и попадали в их состав, то, конечно, не прямо «от сохи», а в связи с соприкосновением с варягами, которое неизбежно должно было изменить их облик. Нападения норманнов, сбор ими дани, торговые сношения — все эти тесно связанные между собой явления не могли не содействовать раслоению первоначальной социальной и экономической структуры финских племен изменению их быта.⁵

Наряду с прямым захватом и подчинением, тут возможно и то, что норманские военно-торговые объединения притягивали к себе местные социальные верхи, которые и могли, таким образом, примкнуть к движению норманнов по пути из Варяг в Греки.

Таковы соображения, которыми я пытаюсь обосновать свое предположение. Оставаясь условно на его почве, ставлю южное «колбяжское» местное название в связи с летописным известием о построении городов на Десне, Остре, Трубеже, Суле и Стугне при Владимире: «и поча нарубати мужѣ

¹ Неясно, почему Клепатский отделяет от этого названия Kolbeżycze (Zr. dz. XXI, 478) и помещает его в Киевском, а не Житомирском, повете (ук. соч., 372). Судя по тексту Zr. dz., это одно и то же место, а *t* вместо *b* объясняется, вероятно, случайной ошибкой.

² Zeitschr. für slav. Phil. 1931, VIII, 113—124.

³ Колбяги, ИАН, 1929, № 4, 277—285.

⁴ Неск. замеч. по поводу статьи В. А. Брима «Колбяги», ДАН-В, 1930, 137—142.

⁵ Ср. замечания В. А. Егорова о влиянии норманской торговли на патриархальный уклад этих племен (Движ. новг. финнов на юг, Сб. ЛОИКФУН I, 119).

лучший отъ Словѣнь и отъ Кривичи и отъ Чюди и отъ Вятичь и отъ сихъ насели грады, бѣ бо рать отъ Печенѣгъ» (Лавр. летоп. 988 г.).¹

Не имея оснований сколько-нибудь решительно настаивать на колбягах-финнах, колбягах-чуди, и считаясь как с недостатком фактических данных о них, так и с мнением большинства исследователей об их скандинавском происхождении, замечу, тем не менее, следующее: их равноправие с варягами по Русской Правде, на которое указывает, между прочим, и Фасмер, возражая Бриму и мне,² может быть объясняется, опять-таки, тем, что это был общественный слой, примкнувший к варяжской военно-торговой организации, и равноправный с нею, но сохранивший отличное от нее название.

Большинство исследователей, в той или иной мере занимавшихся колбягами, предполагает в них скандинавов, образовавших так или иначе особую группу или организацию. Шведский ученый Н. Бекман видит в колбяге представителя широких масс шведского населения, вооруженного дубиной (kylfa) в противоположность дружинникам, вооруженных мечами.³ Мало вероятно, однако, чтобы швед эпохи викингов, к какому бы он ни принадлежал общественному слою, не обзавелся мечем, копьем или боевым топором, отправляясь на Русь; в этой обстановке дубина едва ли могла быть пригодным и характерным для него оружием. Экблом в своей последней работе, так же, как и писавший недавно по этому поводу А. Стендер-Петерсен,⁴ не сомневается, повидимому, в том, что колбяги представляли собою объединение, по этническому составу скандинавское, шведское, и параллельное варягам (eine Schwesterorganisation).⁵

Источники, в общем, дают так мало положительных указаний по этому вопросу, что приходится считать его до сих пор не решенным.

Нельзя не отметить интересного замечания норвежского историка Н. Koht относительно того места из саги об Эгиле (Egils saga Skallagrímssonar), на которое ссылаются все исследователи, занимающиеся вопросом о колбягах, и где говорится о столкновении норвежцев с этими последними в Лапландии в IX в. Koht справедливо замечает, что на этой территории подобная встреча норвежцев с каким-то торговым элементом с Руси (более точно он колбягов не определяет) возможна не ранее XI в.; автор саги

¹ К месту, где должно было находиться Kolbežuzze, ближе всего бассейн Стугны.

² Ук. соч., 120.

³ N. Beckman. Jaroslavs rätt och de sven. landskapslag, 7 (Stud. i nord. Fil., 1912, III).

⁴ Zur Bedeutungsgesch. des Wortes an. kylfingr (Acta phil. scand., VI); с этой статьей, также, как и с его же «Bedeutungsgesch. des Wortes an. vaeringi» (Acta, III), мне пришлось ознакомиться лишь по замечаниям Экблома (Vereinigungen, 9—12).

⁵ Vereinigungen, 10.

в данном случае переносит в IX в. то, что было возможно в его время.¹ Таким образом, к единственному в древне-северной литературе тексту, сколько-нибудь подробно касающемуся колбягов, приходится, может быть, относиться с большей осторожностью, чем это делалось до сих пор.

Единственное географическое название в сагах, в основе которого можно с некоторой вероятностью предполагать то же *Kylfingr* — колбяг, это *Kallbakssída*, с вариантом *Kaldbakssída* (ср. исландское местное название *Kaldbak*), упоминаемое в неисторической по своему характеру *Vísasaga*;² судя по тому, что рядом названы Швеция и Курляндия (*Svírjóð, Kúrland*), сага имеет здесь в виду какое-то место в Прибалтике или на берегу Финского залива; ср. *Kylfingaland* в древне-северных сочинениях географического характера.

*КОЛЮБЕРЬ

Др.-сев. Kolbjörn, др.-шв. *Kolbiörn (LB 153; восстанавливается по таким местным названиям, как Kolbyornsydh).

I. Фасм. 663 Твер. Вельг. Слм № 2770 — Колюберово; 665 Костр. Чухл. Слм № 10171 — Кулеберово 666 Влад. Переясл., Труды Переясл.-Залесск. Музея, 1929, XII, 61 — Колоберово.³ 672 Волог. Волог. Слм № 509 — Кульберово.

IIб. Влад. Переясл., Оп. док. и бум. II, 135, XVII в. — Калабырева; Шуйск. Слм № 6023 — Кулеберьево.

IIб. Белоз. у. XVIII в. — Колыберово;⁴ Ярослав. Пошех. Слм № 5073 — тоже; Моск. Колом. Млн I 585 — Колуберева.

Затруднение мне представляется здесь, во-первых, в форме второго члена личного имени, восстанавливаемого Фасмером. В древне-русских текстах две последние согласные, *тн*, сохраняются (см. выше, Бернъ); наряду с этим считаю возможной и русскую форму *бен* (см. далее, Турбенъ). Во-вторых, вопрос осложняется наличием некоторых близких по форме образований, которые едва ли можно отделить от данной группы: костр. Куреберово (Слм № 1645),⁵ влад. Триберево (Слм № 1025), твер. Лати-

¹ [Norsk] Hist. Tidsskr. 1930, XXIX, вып. I, 20, прим. 2. Составление саги об Эгиле исследователи относят к началу XIII в.

² Изд. O. L. Jiriczek, 125¹⁴ (1893 г.).

³ По Слм изд. ЦСК 1863 г. в б. Переясл.-Залесск. у. не значится; есть Колуберово в б. Ковр. у., № 2379.

⁴ Е. Замысловский. Извлеч. из переп. книг XVIII в., 283 (1888 г.).

⁵ Здесь, впрочем, возможна диссимилиация *л* и *р* в первом слого; см. о ней у С. П. Обнорского, Заметки по русской диалектологии (Slavia, 1932, XI, 49 сл.).

берова (Сим № 8072), моск. Кокуберова (Сим № 3775), и которые, во всяком случае, в том виде, в каком мы их имеем, объяснить из скандинавского трудно.

Моны

Дог. 945 г. Др.-шв. Манне (Thoms. 403, LB 175—176).

I. Фасм. 662 Псков. Торон. Сим № 12264 — Монино.

II. Новгород. Р. Монова и Монева ручей в басс. Чагоды (Шанько, 446² и 446¹²); Вот. пят., Врем. XI 50 — Мониково; Белоз. АИ I, 308, XVI в. — Монинской дор. Твер. АИ III, 184, XVII в. — Момяково. Смол. Бельск. Оп. док. и бум. XV, 408, XVIII в. — Монина слобода. Мин. Борис. Сим. изд. 1924 г., 48⁸⁰ — Момяково.

Происхождение от др.-шв. Манне Фасмер считает сомнительным, ввиду возможности возводить Монино к русс. *Моня, уменьшит. от Моисей, что представляется ему более вероятным. Со своей стороны могу сказать, что сопоставление с именем, засвидетельствованным в греко-русских договорах X в., для скандинависта всегда заманчиво, но далеко не всегда удовлетворительно решает вопрос. В частности, такая форма, как Момяково, восходит, может быть, к личному имени *Моняк, типа Туряк (Лавр. летоп. 1097 г.).

Мутурь

Дог. 945 г. — Мутурь Утинъ, по Лавр. и Соф. сп.; по Радз., Моск.-Ак. и Ипат. — Мутурь.¹

Объяснения из скандинавского Томсен для этого имени не находит (403). Укажу здесь на Мутурица, с вариантом Мутурица, в Новгород. I летоп., стр. 70 (изд. 1888 г.) — имя плп прозвище новгородского посадника XIV в. (в другом списке посадников он же называется Иоанн Семенович, ib., 441), и Михайло Мотуричичъ (ib., 442). Предположительно сопоставляют новг. Моторово — местное название в Дер. пят. (Нпк I, 180, II, 175) и Мотора, Моторышка — фамилия и личное имя XVII в. (словарь Тупикоза). Возможна связь с диал. мутóрить, мотóрить — суетиться, сбивать с толку, мотóрный — суетливый, докучливый (Даль, смол., твер., спб.). Этимология имени Мутурь и вопрос об отношении его ко всем приведенным только что данным остаются пока неясными.

¹ По мнению А. А. Шахматова это последнее правильное (Нов. врем. лет., ук. изд., 52, прим. к строке 4).

*Ола или *Олы

Др.-сев. Áli, Óli, др.-шв. Ale (LB 10) и Ole (LB 186, под вопросом; восстанавливается по местному названию Olastum; указано также Ola, сокращ. от Olaf).

Новг. Дер. пят. Пк 1581 г., Иванов, 56 — Олова гора. Мин. Мозыр. Сим изд. 1924 г., 180 — Олово. Ряз. Ряз. Сим № 58 — тоже. Черн. Укр. Арх. I, 117, XVIII в. — р. Олова, повидимому, то же, что приток Сулы Олава (Маштаков, 59).

Для прилагаемого мною здесь объяснения убедительнее сканд. формы с долгим о, так как оно дает в др.-русс. как у, так и о, а долгое а — а(я).

Воздерживаюсь от попытки сопоставить с этой группой имя, вернее — отчество, Оловиць в Новгород. I летоп. 1015 г., так как другие списки пишут здесь Еловиць и Еловичь — имя неясное и, может быть, совсем не скандинавское.

*Ольб и *Ольбь

Др.-сев. Álfr, др.-шв. Alf (LB 10).

I. Фасм. 663 Твер. Твер. Сим № 136 — Олбово. 669 Волын. Ковел. Сим, 25 — Ольбле (Лядское и Русское). 672 Волог. Устюж. Сим №№ 10577 и 10602 — Олбово.

II. Черн. Остер. Сим № 2664 — Олбинь (Олбын).

Не вполне ясно с фонетической стороны: Фасмер, учитывая, повидимому, переход сканд. долгого а в др.-русс. а(я), а не в о, ссылается (663) на то, что др.-сев. Álfr у Lundgren и Brate значит с кратким а. Неясность здесь — в этой последней работе, а не у Фасмера: а в др.-сев. Álfr обычно считается долгим (см. Н. Naumann, Altnord. Namenstudien, 15, 24, 145).

От этой группы едва ли можно отделять моск. Олбѣво, Мпк I, 170; относительно этой формы см. далее Турдь, замечания по поводу формы Турдѣво, на основании которых считаю возможным допустить сомнения относительно скандинавского происхождения также всей вообще группы производных от *Олбь, *Ольбь.

*Радуль

Др.-сев. Ráðulfr, др.-шв. Radhulf (LB 195).

I. Фасм. 668 Черн. Город. Сим. № 1101 — Радуль.

II. Новгород. Шел. пят. Нпк IV, 508 — Радулово; ib., 557 — Радуля.

У Фасмера происхождение от Rádúlfг стоит под вопросом. Предлагаю здесь другую возможность — от какого-то не дошедшего до нас в письменных памятниках др.-русс. личного имени, с которым можно сопоставить Радула у юго-западных славян.¹

*Редрикъ

Др.-сев. Hróðrekr, др.-шв. Rørik (Thoms. 405, LB 212).

I. Фасм. 662 Твер. Корч. Снм № 6834 — Редриково. 664 Яросл. Яросл. Снм № 706, Пошех. № 5362 и Рост. № 7160 — тоже. 666 Влад. Переясл., Труды Переясл.-Залесск. ист.-худ. Музея, 1928, VI—VII, 126 — Редриковы горы.² 672 Нижегород. Васильс. Снм № 1898 — Редриково.

IIa. Яросл. Пошех. АЮ № 78, XVI в. — Редрухино. Влад. Ковр. Снм № 2822 — Редрово; Горох. Снм № 1969 — Редрейха (Тимагино), № 2259 — Редриково (Елизаветино, Зубята).

IIб. Новг. Уст. Снм VIII, 108³¹ — Редры. Смол. Бельск. Снм № 1912 — Редрики (Бабинино). Ср. р. Редрова и оз. Редрово в басс. Мологи (Шанько, 202³⁰⁻³¹).

По Фасмеру *Редрик — разновидность имени Рюрик, с сохранившимся $\ddot{d}$ перед г и с иной передачей перегласовки $b > \acute{b}$, через е вместо ю. По Томсену (405) и Норену³ выпадение $\ddot{d}$ могло здесь произойти еще до перехода соответственного скандинавского имени в древне-русское. Сомнения относительно этимологии, предлагаемой Фасмером, основаны, впрочем, на данных русского яз., а не древне-северного или древне-шведского: др.-русс. рьдрыи, в новых русских говорах редрый, рѣдрий — бурый, рыжий, красноватый (Даль, Пресображенский и др.); на этом основании включаю в данную группу также названия, как Редры, Редрухино, и т. п. В дополнение к фактическому материалу по топонимике отмечу фамилий Редров и Редриков (новг. и влад., XVI—XVII в.). Не имеем ли мы здесь один из тех случаев, когда этимология местного названия в связи с местным же языковым материалом представляется более вероятной, чем предположение о заимствовании?

Что касается самой формы такого названия, как смол. Редрики, то имеются подобные же образования, корень которых объясняется непосредственно из русского яз. наур., твер. Быстрики (Снм № 9670) и Мяздрокв

¹ Miklošič, ук. соч., 304.

² По Снм изд. ЦСК 1863 г., № 817, Редриково — в б. Алекс. у.; переясл. Редриково значится в Снм изд. 1907 г., № 4329.

³ Gesch. der nord. Sprache, § 85, 9a.

(Мпк II, 224); менее ясны смол. Зибрики и Шендрики (Снм №№ 7647 и 8593); сомнительными представляется мне также происхождение от др.-сев. Kynrikг для твер. Кондриково (Фасм. 663), может быть связывающегося с именем Кондрат.

Рогнедь

Лавр. летоп. 980 г. и др., Ипат. 1168 г. Др.-сев. Ragnheidr, Ragneidr (Thoms. 405).

I. Фасм. 667. Смол. Русл. Семенов, IX, 154 — Рогнедино.¹ Мин. ibid., 517 — оз. Рогнедь.

Фасмер связывает оба эти названия с Рогнедой, дочерью Рогволода Полоцкого.² Само по себе, происхождение смол. Рогнедино от Рогнедь, так же, как и обычное объяснение этого личного имени из др.-сев. Ragnheidr — вполне правдоподобно. Менее ясно, несмотря на полное совпадение, название оз. Рогнедь. Конечно, судить о родстве тех или иных наименований, личных или местных, лишь на том основании, что они внешне напоминают друг друга — рискованно. Тем не менее, в тех случаях, когда они еще совершенно не исследованы, приходится, так сказать, нащупывать возможную связь между ними именно таким небезопасным путем, даже, если при этом возникают фонетические и иные затруднения. В связи с названием оз. Рогнедь укажу на новг. оз. Рожнедь,³ местное название Рожнетово в БССР,⁴ и, наконец — Ragnit в В. Пруссии.⁵ Сюда, как будто, присоединяется и вопрос о неясном личном имени Ирожнеть в Новг. I лет., 1135 г.⁶ Если все эти данные, действительно, относятся к одному комплексу, то тем самым осложняется и вопрос о скандинавском происхождении названия оз. Рогнедь от Рогнедь < Ragnheidr. Не исключена, в конце концов, возможность, что традиционное Рогнедь < Ragnheidr, вместе со смол. Рогнедино остается само по себе, а все остальное требует иного объяснения.⁷

¹ Снм. № 9760, в басс. Габьи, прит. Десны.

² Смол. Рогнедино, известное в Пацынской вол. по переписным книгам XVII в. (За-мысловский, ук. соч., 157), может быть, ближе отнести к другой Рогнеде, представительнице смоленского, а не полоцкого, княжеского рода, сестре Ростислава Мстиславича (смоленского (Ипат. летоп. 1168 г.), хотя оно и не совпадает с ее селом Заруб, упоминаемым в этом месте летописи (см. Барсов, Очерки русс. ист. геогр., 313 и Голубовский, Ист. Смол. земли, 82, прим. I).

³ Указано мне П. Л. Маштакковым; более точных данных о местонахождении не имею.

⁴ Снм, изд. 1924 г. Мин. Бобр., 33⁵⁸.

⁵ На лев. берегу Немана, несколько выше Тильзита.

⁶ См. о нем Геденов, Варяги и Русь, I, 245 и Куник, Die Berufung der schwed. Rødsen, II, 152.

⁷ К числу образований, внешне сходных с Рогнедь, относится также название речки Ягнед в Смоленском крае, упоминаемое в середине XV в. в ЛМ (РИБ XXVI, 53).

Свѣнь, *Свѣнко

Дог. 945 г. — Свѣнь; Новг. I летоп. 1186 г. — Вичь Свеневиць с вариантами Свеничь и Свиновеиць. Др.-сев. Sveinn и Sveinki, др.-шв. Swen и Swaenke (Thoms. 406 и 408—409 по поводу Свѣньльдъ, Лавр. летоп. 945 г. и др., а также Σρέγγος и Σρέγγελος у византийских авторов; LB 254).

I. Фасм. 667 Орл. Брян. Снм № 884 — Свень, на р. Свень. 668 Черн. Ипат. летоп., 1160 г. — Свѣнковичи.

Возвести к Sveinn приведенные Фасмером местные названия, в особенности Свѣнковичи — к Sveinki, для скандинависта как нельзя более заманчиво. Тем не менее, здесь приходится считаться с некоторыми неясностями и уже имеющимися в научной литературе иными соображениями.

На летоп. Свѣнковичи обратил внимание в свое время Голубовский;¹ он отождествляет это место с дер. Свинь у впадения в Десну р. Свинь, известной под этим же названием, а также Свиная, в Ипат. летоп. (1152, 1158, 1176 гг.). В актах XVI в. имеется, кроме того, ее название Свинья. По «Топографическому описанию Черниг. наместничества» 1786 г. А. Шафонского,² она начинается близ с. Звиничева, а указанная только что деревня называется Свинка.³

Эта группа требует, прежде всего, анализа со стороны чередования и и е(ь) в корне названия, как в древне-русском, так и в современных говорах. Что касается орл. Свень, то у Шекатова, напр., данная река называется Свинь, а монастырь на Десне — Свинской или Свенской,⁴ в актах XVII в. — Свинской.⁵

По Соболевскому Свѣнь, Свень — первоначальная форма таких речных названий, как Свинец, Свинка, для которых он предполагает родство с греч. κολυός, голубой.⁶ Сюда же он относит и черниг. р. Свинь, восстанавливая на основании связанного с нею летописного Свѣнковичи ее первоначальную форму *Свѣнка.

Все это заставляет относиться с осторожностью к вопросу о скандинавском корне этих названий. Объяснение Соболевского, независимо от того, насколько оно правильно и убедительно, представляет собою интерес в том

¹ Археол. карта Черниг. губ. (Труды XIII археол. съезда, II, 1907—1908).

² Изд. 1851 г., 211, 234.

³ Ср. вариант Свинковичи к Ипат. 1160 г. в Погод. и Хлебн. сп., а также новг. Свинковичи, Вот. пят., Ник III, 575.

⁴ Географ. словарь Росс. государства, М. 1807.

⁵ АМГ II, 64, 404.

⁶ ПОРЯС XXXI, 19.

смысле, что ставит, так или иначе, вопрос о происхождении этих названий более широко, чем это можно сделать на почве языков данного исторического периода; надо думать, что, говоря о греч. κολυός, автор не подразумевал тут прямое заимствование.

*Семигъ

Др.-сев. Saemingr, Semingr, др.-шв. *Saeming по местным названиям Saeminge в Карелии и Saeminghundra в Швеции.¹

I. Фасм. 666 Смол. Южн. Снм № 11241 — Семига.

Пб. Псков. Великол. Снм № 3157—3158 — Семяги Больш. и Мал.; Опоч. Снм № 6067 — Семякино, № 7755 — Семягино. Влад. СГГД I №№ 86, 87 и др. XV в. — Симизипские села;² Юрьев. Снм № 6452 — Симизино. Моск. Рuz. СГГД I, № 141, 1504 г. — Семигино; Волокол. Снм № 1803 — Семясино. Кал. Малоюр. Снм № 1794 Семякино. Витеб. Невел. Снм, 276⁸³ — Семяги. Мин. Слуц. Снм изд. 1924 г., 206⁸⁷ — Сеमेжево.

В пользу указанного происхождения говорит близкая аналогия с личным именем Емигъ < Nemingr. Двойная форма *Семягъ и *Семигъ, восстанавливаемая по приведенным здесь местным названиям, объясняется, может быть, в связи с изменением произношения носовых гласных, о котором говорит Миккола (см. выше, Емигъ). Относительно е во втором слоге (в данной группе — мин. Семежево) см. Экблом, Rus-, 35 сл. и 55—56.

Надо сказать, что объяснение русс. -яг в местных названиях, как отражения сканд. -ing, далеко не всегда убедительно, как признает и сам Фасмер (658, прим. 1), приводя примеры, подобные известным в большом количестве и мне, где окончание -яг, -яги, ничего общего не имеют с тем, что Экблом называет «la constellation varegg-kolbegg-buregg» (Rus-, 37); Фасмер указывает при этом и на псков. Семяги, между тем, как оно казалось бы, вполне подходит к рассматриваемой здесь группе.

*СНЕБЕРЬ

Др.-сев. Snaebjorn.

I. Фасм. 666 Смол. Красн. Снм № 7993 — Снеберка (Снеберки) 667 Орл. Брян. Снм № 1039 — Знеберь.

Пб. Р. Снеберь → Ипуть → Сожь → Днепр (Маштаков, 131).

¹ E. Hellquist. Om de svenska ortnamnen på-inge, -unge, -unga, 150 (Göteborg. Högskol. Arsskr., 1905, XI) — работа, на которую и ссылается Фасмер.

Может быть, то же, что Семязино, Снм. Влад. № 113 (Влад. у.).

Некоторые сомнения вызывает передача др.-сев. — björn через др.-русс. -бер, -берь (см. выше, Колуберт), но наиболее веским доводом против скандинавской этимологии для данной группы является наличие в топонимике СССР множества двухчленных названий на Сне-, преимущественно, речных, для которых в русской научной литературе уже имеется объяснение: Соболевский возводит первый член таких названий, как Снеберь, Снежеть, Снепород, к *сын и к скиф. *šina*, река; то же — во втором члене таких образований, как Десна, Вересна, и т. п. Элемент берь < *брь входит по Соболевскому в состав таких речных названий, как Зуберь, Ибра, Кубрь и, может быть, Обга в В. Пруссии.¹

Толкование Соболевского, даже если не соглашаться с его содержанием, заслуживает внимания, так как принципиально переносит анализ данной группы в область языковой формации, значительно более древней, чем варяги на Руси, и, может быть, именно там, а не в связи с эпохой викингов — такой, сравнительно, новой и недавней — и следует искать объяснения этих топонимических данных.

*СНОРЬ

Др.-сев. Snorri.

Г. Фасм. 662 Псков. Новорж. Снм № 5117 — Снорева гора.

Пб. Новг. Дер. пят. Пк 1582 г., Иванов, 69 — Снарво селнице; Крест. Снм IV, 20¹⁴³ — Снарво.

Приведенные мною названия менее убедительны со стороны фонетики, чем псков. Снорева гора: сканд. краткое *o*, судя по др.-русс. текстам, сохраняется, напр., Коль < Kolr (дог. 945 г.) и Олстѣнь < Holmsteinn (Лавр. летоп. 1177 г. и др.).² Др.-шв. *Snare (LB 237) больше соответствует новг. Снарво, Снарво, так как сканд. краткое *a* дает в древне-русском *a* или *o* (Thoms. 391). Слабой стороной здесь является то, что *Snare не засвидетельствовано в памятниках и восстанавливается по местному названию Snarathorp в одном из сравнительно поздних шведских актов (1419 г.). Snorri (или *Snare) в древне-русской передаче, по аналогии с Гуды, Туки и т. п., может быть, правильнее восстанавливать в форме *Сноры, а не *Снорь.

СТЕГРИМЪ

Др.-сев. Steingrím, др.-шв. *Stengrim, по местному названию Stengrimseröd (LB 243).

¹ ИОРЯС, 1918, XXIII, ч. I, 185 и 1922, XXVII, 262.

² Thoms. 401 и 404—405.

Г. Фасм. 666 Смол. Красн. Снм №№ 8013 и 8140 — Стегримово.

Несмотря на несомненную близость к данному скандинавскому имени, здесь не исключена возможность иного происхождения, а именно, от литовского личного имени Стегримъ, Стягримъ, в русско-литовских актах XV в.¹ В указанных выше списках литовских личных имен у Лескина и Буга нет, но, судя по целому ряду таких примеров, как Stegvilas, Stegaila, Stekiut, где, по Лескину, первый член — steg-, steig-², это имя следует, может быть, расчленять, как Стег-римъ, а не Сте-грим; второй член известен в составе многих двухчленных литовских имен, как Baltrims, Rimgaila и т. п. В пользу литовского происхождения говорит появление этого имени и производных от него местных названий в таком крае, и в таких документах, где это вполне возможно.

*СТЕРЛЯГЪ

Др.-шв. *Sterling, по местному названию Sterlinge (Hellquist, ук. соч., 144).

Г. Фасм. 665 Ностр. Мак. Снм № 7154 — Стерлягово. 672 Ряз. Спас. № 3299 — Стерлигово. Ворон. Задон. Снм № 1395 — Стерлиговка.

Пб. Твер. Вышнев. Снм № 3117 — Стерляково. В актах XVI в. есть личное имя Стерляга, а в XVII в. — фамилия Стерлегов (словарь Тупикова).

Ряз. Стерлигово и ворон. Стерлиговка, как полагает Фармер, не идут непосредственно от скандинавов, а даны русскими. Несмотря на несомненную близость по форме к сканд. названиям на -ing, предлагаемое Фасмером объяснение всей этой группы несколько сомнительно уже потому, что др.-шв. имя *Sterling нигде не засвидетельствовано, а производное от него местное название упоминается, сравнительно, поздно (1415 г.); не в пользу его говорит и тот факт, что в ближайшей к шведской, и дошедшей до нас в большом объеме, древне-северной ономастике нет никаких его следов. Само по себе это последнее обстоятельство, конечно, еще не является решающим: в греко-русских договорах X в., нашем основном источнике по скандинавско-русской ономастике, есть целый ряд имен, известных только как древне-шведские.

Чтобы англо-сакс. sterling было тем или иным путем причастно к возникновению русс. *Стерляг, мало правдоподобно, так как в XI в.,

¹ ЛМ (РИБ XXVII, 485) и АЛР I, 19 и 35.

² В Stegaila и Stekiut, повидимому, подразумевается выпадение *g* перед *g* и *k*.

когда оно появляется впервые,¹ носовых гласных в древне-русском уже не было, и окончание -яг из -ing получиться не могло.

В связи с рассматриваемыми здесь местными и личными наименованиями не может не обратить на себя внимание стерлягъ вместо щьяльгъ в Архангелогородском летописце под 964 г. Вопрос об этом термине, не встречающемся, насколько мне известно, ни в каких других текстах, а также о его отношении к нашей группе, оставляю пока открытым.

Не пытаюсь установить этимологию самого корня этих названий, считаю возможным, что он совершенно не зависит от заимствования: ср. украинск. местное название Стерлица (Ак юз Р, X, 302—303, XVII в.), относящееся, может быть, сюда же; на скандинавское заимствование оно мало похоже. Не представляет ли собою данная группа один из тех случаев, где, в частности, окончание -яг, с чередованием -иг и -ег, совершенно не связано с судьбой сканд. -ing в древне-русском яз.²

*Стигъ

Др.-сев. Stigr, др.-шв. Stigh (LB 243—244).

I. Фасм. 667 Орл. Орл. Снм № 16 — Стижь колодец.

Пб. Литва. Берест. стар. АЛР II, 281, XVI в. — Стижинъ дубь.³

Стирь

Дог. 945 г. Др.-сев. Stýgr, др.-шв. Styr (Thoms. 408, LB 247).

I. Фасм. 663 Твер. Осташ. Снм № 8885 и Вышнев. № 4316 —

Стырово.

Па. Твер. Мнк II, 226 — Стырево.

Пб. Множество названий на Стыр- в БССР и в Литве: то же Стырово, Стырики и чисто литовские по форме Стырнелпс, Стырбайте и т. п.,⁴ наряду с которыми имеются образования с у в корне, как Стурь, Стурменишки, Стурлыги.⁵ Ср. р. Стырь, прит. Припяти.

Дело обстоит здесь не так просто, как было бы при объяснении Стырово из Stýgr. Указанный мною топонимический материал едва ли можно отделять от тверской группы, отмеченной Фасмером. Здесь получается весьма сложная по своему составу «семья», в которой неизбежно присоеди-

¹ См. у Дюканжа esterlingus, sterlingus.

² См. выше, замечания по поводу *Семить.

³ В изд. Довнар-Запольского подлинная форма названия не вполне ясна: в указателе значится Спнжин дуб.

⁴ И. Спрогис. Географ. словарь древн. Жемайтск. земли XVI в.

⁵ Последнему, может быть, соответствует Sturlauken в В. Пруссии (Pierson, уч. соч., 721)

няется и вопрос о языковых данных — ср. со стороны русского языка производные от стыр- и их значения в разных говорах (Даль и др.). Все это требует тщательного анализа сначала на почве германских, славянских и литовского языков, а затем и дальнейшего углубления и расширения. Др.-сев. Stýgr при этом, очевидно, будет иметь значение не исходной точки, а лишь одного из германских элементов, привлекаемых в свою очередь к исследованию, которое, конечно, одними германскими языками и какой-нибудь определенной эпохой не ограничится.

Название реки Суда

Др.-сев. seudr — бурный поток, нем. диал. sôd — источник, и др.

I. Фасм. 665. Костр. р. Суда, приток Шексны.

Объяснение в связи с seudr, и т. д., стоит у Фасмера под вопросом, что, повидимому, оправдывается наличием таких названий рек, как Судогда в басс. Клязьмы, Судемля в Верхнем Поволжья и в басс. Днепра, Судка, Судинка и т. п.¹ Возможность родства этой группы с указанными Фасмером данными германских языков отнюдь не исключается, но, как и во многих подобных случаях, искать его придется в более далеком прошлом языка и топонимики.

Название р. Туд

*Тждь; др.-сев. fund — река, упоминаемая в Эдде; ср. англо-сакс. fundan — вздуться, набухать.

I. Фасм. 663 — р. Молодой Туд, приток Волги в ее верхнем течении.

Па. Твер. Ржев. Оп. док. и бум. I, 213, XVII в. — Старый Туд, Тудовская вол.

Пб. Псков. Р. Тудер, Больш. и Мал., в басс. Ловати (Шанько, 140¹¹⁰ и 142¹²⁹). Смол. Бельск. Снм № 2562 — Туд, при речке того же названия. Ср. Туд-озеро в басс. Онеж. оз. (Шанько, 542⁶⁸³).

По поводу сопоставления Туд с fund и fundan можно повторить то же, что относительно предлагаемой Фасмером этимологии названия Суда, т. е. указать на необходимость и для этого вопроса иного метода и масштаба исследования.

¹ См. у Соболевского, ИОРЯС 1927, XXXII, 3—4: сюда же он присоединяет Suda, прит. Эльбы, для которой Фасмер (Zeitschr. für slav. Phil., 1932, IX, 136—137) предлагает такую же германскую этимологию, как для костр. Суды.

ТУКЫ

Лавр. летоп., 1068 и 1078 гг. — Тукуы, братъ Чудинь. Др.-сев. Тбкі, др.-шв. Токе, Tuке (Thoms. 411, LB 281 и 283—284).

Новг. Вот. пят. Врем. XI, 110 — Туково; Шел. пят. Нпк. IV, 273 — тоже. Влад. АИ II, 98 и III, 179, XVII в. — тоже; Снм Юрьев. №№ 6092 и 6309 — тоже.

* ТУРАБЪ

Др.-сев. þógráfr.

I. Фасм. 664 Яросл. Молож. Снм № 2946 — Турабово. 666 Смол. Дух. Снм № 5578 — Турубли (Турабли).¹

Па. Яросл. Молож. Снм № 3284 — Турабово.

Пб. Новг. Обон. пят. Пк 1620 г., Иванов, 124 — Турабкино. Псков. Пк. 1686 г., ib., 252 — Торабина гора. Волог. Кадн. Снм № 5288 — Турабская. Влад. СГГД I № 83, 1453 г. и др. — Турабьевские села; Юрьев. Снм № 6427 — Турабьево. Костр. СГГД I № 130, 1498 г. — Турабьевское. Моск. Колом. Мпк I, 218 и 366 — Турабьево, 486 — 487 — Турабьевский (Турубьевский) врагъ. Кал. Кал. Снм № 196 — Турабьево.

ТУРБЕНЬ

Дог. 945 г. по Ипат. и Хлебн. сп.; по Радз. — Турибень. Др.-сев. þorbjörgn, др.-шв. Thorbjörn (LB 264 — 265; у Томсена Турбень нет).

Псков. Пк. 1686 г., Иванов, 252 — Турбанова гора. Волог. Тот. Снм № 9119 — Турбанино. Яросл. Молож. Снм № 3007 — Турбаново. Влад. Мур. Снм № 3538 — Турбанево. Ср. в Белозерском крае названия рек Турбаи (вероятно, ошибочно, вместо Турбанъ) и Турбанка, АЮ №№ 6 и 122, XV — XVI в.

Сюда же отношу фамилию Турубанов, Нпк II, 132 (Дер. пят.).

Попытка объединить формы местных названий с *a* во втором слоге, с личным именем Турбень, где мы имеем *e*, и возвести все это к сканд. þorbjörgn, основана здесь на следующем: в древне-шведском известна асси-

¹ По Фасмеру Турубли — от др.-сев. þógráfr, др.-шв. Thorulf (LB 273). На основании варианта Турабли причислю Турубли к той же группе, как Турабово; также и твер. Турубино, б. Корч. у., найденное мною среди материалов, хранящихся в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук (Ответы на программу по собир. особенностей русс. говоров, № 84, стр. 136); ср. моск. Турабьевский и Турубьевский. Может быть, здесь дело не в разных исходных точках, а в ассимиляции гласной второго слога.

миляция *gn > nn*, между прочим, и в слове *biogn*, медведь;¹ в рунических надписях есть целый ряд двучленных имен на *-biogn* с *n* вместо *gn* и с изменением гласной (*-ban, -ben, и др.*).² Полагаю поэтому возможным отражение в древне-русском обеих форм — с ассимиляцией *gn* и без нее³.

Слабой стороной предлагаемого мною здесь топонимического материала являются названия рек. Сопоставлять таковые с заимствованным личным именем, и в пределах довольно, в конце концов, ограниченного исторического периода, всегда более рискованно, чем делать соответственные попытки с местными названиями, так как речные названия — элемент, в общем, более архаический по своему характеру. Если говорить о степени вероятности, то в отношении небольших и незначительных рек подобные объяснения представляются мне, сравнительно, менее опасными.

ТУРЪБЕРНЬ

Дог. 945 г. Др.-сев. þórbjörgn, др.-шв. Thorbjörn (Thoms. 411, LB 264—265).

I. Фасм. 664 Яросл. Пошех. Снм № 5538 — Турыборово.

Пб. Псков. ААЭ III № 133, XVII в. — Турыбарова. Твер. Мпк II 386 — Турыболова.

Возводя Турыборово к указанному сканд. имени, Фасмер ссылается на сообщенную ему Сальгренем параллельную форму *þórbjörgn* с *i* между *r* и *b*; ср. Турибень в дог. 945 г., Турибанино и Турубанов (см. выше, Турбень).

Не исключены некоторые сомнения относительно скандинавской этимологии для этой группы, прежде всего, на основании предполагаемой здесь передачи *björgn* в русской форме с *p*, без *n* (ср. выше *Колюберъ и Турбень).

Л вместо *p* в твер. Турыболова, может быть объясняется, как и обратная замена *p* через *л* (см. *Колюбер, Куреберево), чередованием плавных; отделять же Турыболово от данной группы, как будто, не приходится. Аналогичное по форме двучленное образование на *-бор*, Латиборово (Снм Влад. Покр. № 4317), вероятно, стоит в связи с этим же чередованием, как Латмирово вместо Ратмирово,⁴ и восстанавливается *Ратиборово,⁵ т. е., восходит к др.-русс. имени Ратиборъ (Лавр. летоп. 1079 и др.).⁶

¹ Noreen, Altschwed. Gramm., § 289².

² E. Brate, Runverser, 36 (Ant. Tidskr. för Sver., X).

³ С этой точки зрения вполне вероятно и форма *Дюрбен < Durbjörn (см. выше).

⁴ С. П. Обнорский, ук. соч., 50.

⁵ Ср. новг. Ратибор, б. Кир. у. Снм X, 96.

⁶ В Снм изд. 1907 г. № 5229 влад. Латиборово значится как Лакиборово.

Турдь

Дог. 945 г. — Прастѣнь Турьдовъ и Каршевь Турьдовъ. Др.-сев. Þógr, др.-шв. Thord (Thoms. 412, LB 265—266).

В Ипат. и Радз. сп. — неправильно Прастѣнь Турдуви вместо Турьдовъ.¹ В этих же списках, а также в Моск.-Ак. и Хлебн. — Каршевь Турдоров; Томсен предполагает здесь контаминацию с др.-русс. Тулор — Федор.² Новг. Шел. пят. Нпк. IV, 390 — 391 и V, 613 — Турдово, по документам Генерального межевания — иначе Турдеево.³

Турдово — одно из местных названий, которые, казалось бы, вполне благополучно, безо всякой натяжки, или неясности, со стороны фонетики, объясняются из сканд. (ср., напр., Бухвостово). Тем не менее, оно является примером возможности совершенно иного, и более убедительного, объяснения. Его вариант Турдеево представляет собою очевидно, производное от личного имени *Турдей. Таковые известны в топонимике по летописям и актам XV — XVII вв. и довольно часты в современной номенклатуре Костромского и Тульского края. Среди них Турдѣвы враги⁴ еще Гедеев пытались объяснять в связи с Турдь в дог. 945 г.⁵ Недавно появилась статья Л. Rasonyi Nagy «Der Volksname Berendej»,⁶ где автор возводит эти же Турдѣвы враги к тюркск. личному имени Turdu и указывает на многочисленные примеры оформления восточных имен в русском с окончанием -ей (-ѣй),⁷ т. е., по типу Сергей, Матвей и т. п., где -ей (-ѣй) — из греч. αι.⁸ Если связывать *Турдей через Турдь с др.-сев. Þógr, то пришлось бы допустить, что Турдь бытовало на Руси достаточно долго, чтобы успеть преобразоваться по аналогии с христианскими именами, уже вошедшими в русскую обиход. Для имени варяжского происхождения это весьма мало правдоподобно.

¹ О форме Турьдуви, Турдови — см. Пов. вр. лет., ук. изд., 379, примечание Шахматова к стр. 51, строка 15.

² Едва ли прав А. А. Шахматов, исправляя Лавр. Каршевь Турьдовъ по указанным 4-м другим спискам (Тулоревъ): в греко-русских договорах, где имена сплошь языческие, христианское имя маловероятно и представляется не первоначальным.

³ М. А. Андрияшев. Матер. по истории геогр. Новгород. земли, I, 323.

⁴ Никон. лет. 1433 г. (ПСРЛ. XII, 19).

⁵ Варяги и Русь, I, 293.

⁶ Semin. Kondakov., 1933, VI, 217—226.

⁷ Ук. соч., 221—223.

⁸ Ср. неорганическое -ей (-ѣй) в таких случаях, как Петрей, Иваней, Филипей вместо Петр, Иван, Филипп. Целый ряд подобных форм любезно сообщил мне В. И. Чернышев; они собраны им как по личным наблюдениям над говорами, так и по письменным памятникам, где они известны с XIV в.

Туры

Лавр. летоп. 980 г. — имя варяжского князя в Турове. По предположению А. А. Шахматова, это же имя носил варяг-христианин, убитый в Киеве в 983 г. по Лавр. летоп. (так наз. первый русский мученик).¹ Др.-сев. Þógr, др.-шв. Thorer (Thoms. 412, LB 266—267).

I. Фасм. 669 — Туров на Припяти (Лавр. летоп. 980 г.).

Туры вполне правильно объясняется из Þógr, но местных и речных названий Туров, Туровка и т. п. на территории СССР такое множество, и они так очевидно связываются с др.-русс. турь, что этимологию летописца никак нельзя принимать за чистую монету. Разграничить по каким бы то ни было признакам происхождение от турь и от Туры < Þógr — невозможно. С. Н. Быковский связывает имя Туры с турь, с древним культом быка, и т. д.² Что к этому слову восходят местные названия типа Турово — несомненно; что при этом имел значение элемент древнего культа — не менее вероятно, но в личном имени Туры окончание *и* из древне-русского не объясняется, и происхождение от Þógr здесь представляется правдоподобным.

По таким местным названиям, как Турилово, Турятино, можно восстановить личные имена *Турило, *Турята.³

Обширная «родня» слова турь, выходящая далеко за пределы славянских яз., отмечена С. Н. Быковским в связи с его соответственными исследованиями.⁴

*Тюрикъ

Др.-сев. Þjóðrekr, др.-шв. Thiudhrik (LB 260, под вопросом; считается, скорее, не шведским).

I. Фасм. 661 Псков. Порх. Снм № 11032 — Тюриково. 664 Яросл. Пошех. Снм № 4963 — тоже.

Пб. Влад. Влад. Снм № 283 — Тюрики; Юрьев. Снм № 6263 — Тюрикино; Шуйск. Снм № 5950 — Тюрюково; Горох. Снм № 2027 — Тюрятово. Моск. Оп. док. и бум. I, 136, XVII в. — Тюриково.

¹ ИАН 1907, сер. VI, № 9, 261—264.

² Яфет. предок вост. славян — киммерийцы, 67 (Изв. ГАИМК 1931, VIII, вып. 8—10).

³ Ср. др.-русс. Турякъ и зап.-слав. формы, указанные Миклошичем (Bild. der slav. Personennamen, 321, и Slav. Ortsnamen, 66).

⁴ Ук. соч., 37—38.

Объяснение Фасмера само по себе правдоподобно; с формальной стороны *Тюрик — образование, сходное с Рюрик.¹ Среди приведенных мною названий по влад. Тюрятво можно восстановить личное имя *Тюрята.

К другому сканд. имени Фасмер возводит Туриково (661 Новг. Белоз. Снм XI, 98), а именно, к др.-шв. Thotrik (LB 272). То же название но ит в XV в. село под Москвой (СГГДИ № 130), может быть, тождественное с указанным мною Тюриковым XVII в.

Некоторые сомнения относительно сканд. происхождения основаны здесь на следующем: возможно, что чередование *y* и *yo* объясняется в связи с фонетикой русских говоров, а не двумя различными заимствованными исходными точками; Туриково же в свою очередь наводит на мысль о происхождении от турь.

УЛЬБЪ

Дог. 945 г. 1. Ульбъ Володиславль; 2. Шихъбернь Сфандры жены Ульблѣ (по Лавр. си.; по Радз. и Моск.-Ак. — Ульбовы). 3. Ульбъ — по Ипат., Хлебн., Радз. и Моск.-Ак., Олбъ по Лавр. Кроме того — несколько раз в Ипат. летоп. в XII в. и в списке посадников новгородских (Новг. I летоп., ук. изд., 70 и 441). Др.-сев. Óleifr, др.-шв. Olef (Thoms. 412—413, LB 186).

1. Фасм. 673 Арх. Кем. Снм № 291 — Улебское; отмечено, как название позднего, вторичного, характера (первоначально *Ульбово или *Ульбля).

Пб. Твер. Остап. Снм № 3240 — Улеб (Корневка, Липовка). Яросл. Яросл. Снм № 833 — Олебино. Волын. Дуб. Аюз Р V ч. 2, 533, XVIII в. — Олибов.

Относительно летоп. Ульбъ с вариантом Олбъ см. Thoms. 405—406, о переходе др.-сев. долгого *o* в др.-русс. *o* и *u*: Руалдъ в дог. 912 и 945 г. и Роалдъ в дог. 945 г. (др.-сев. Hrbaldr, др.-шв. Roald, LB 206). На этом основании включаю в эту группу Олебино и Олибов; полагаю, что сюда же относятся производные от *Олбъ, с *n* вместо *b* — Оленино, Оленинды (Влад. г. и у., Снм №№ 375 и 386).

*УТОРЬ

Др.-сев. Óttarr, др.-шв. Ot(t)ar (LB 191).

По предположению С. Рожнецкого — имя варяга-христианина в Лавр. летоп., 983 г.;² см. выше, Туры — имя, восстанавливаемое для него

¹ О выпадении *d* в др.-сев., отмечено у Фасмера, см. Noreen, Altisl. Gramm., § 292, где, между прочим, указано и *þioþrekr*.

² ИОРЯС, 1915, XIX, ч. 4, 94—98.

Шахматовым. Оба автора основываются на названии церкви в Киеве в Проложи. житии Владимира «церковь святую мученику Турова» и Турова божница в Ипат. летоп., 1146 г. По вариантам в списках жития Уторова, Уторова, Рожнецкий восстанавливает личное имя *Уторь.

Новг. Новг. Снм I, 28 — Утурицы; может быть, также Ник. III, 155 — Отырычи (Вот. пят.). Яросл. Ром.-Бор. Снм. № 6641 — Отура.

Рискую предложить сопоставление с этими местными названиями, не смотря на некоторые связанные с ним фонетические затруднения, и присоединить к этой же группе польское Othogowo (CdmP. I, № 546, 1284 г.).¹

*Фряны или *Фрянъ

Др.-сев. *Fráni, *Fráni.

1. Фасм. 665 Костр. Буйск. Снм № 1961 — Фрянево.

Пб. Моск. Мик I 258 и 240 — Фрянево².

Относительно первого моск. Фрянево в Мик значится: «Фрязиново, а Фрянево тож». Имя Фрязин и фамилия Фрязинов известны в XV—XVI (см. словарь Тупикова). В связи с этим вариантом объяснение Фасмера представляется маловероятным. К тому же, др.-сев. имя, к которому он возводит данное местное название, не засвидетельствовано; на него лишь предположительно указывает Е. Vjögkman на основании англо-сакс. Frana, Frasna.³

*Шелбодъ

Др.-шв. Spiaelbodh, Spiaelbodhe (LB 240).

Твер. Беж. Снм № 765 — Шелбодино (Шелдыбино). Черн. Старод. Укр. Арх. I, 231 и 233, XVIII в. — Шелбодыньская, Шалбодыньская.

Предлагая такое объяснение этих местных названий, воздерживаюсь от того, чтобы пойти дальше и связывать то или иное из них с тем Sbial-þufi в шведской рунической надписи из Sjustad в Упланде, датированной временем ок. 1100 г., который был на Руси и, по словам надписи, умер в Новгороде (uar taufr i hulmkarþi).⁴ Судя по данным у Lundgren и Brate, имя это было довольно распространено в Швеции.

¹ Такое объяснение для этого последнего уже было дано в статье Starkad в Deutsche Blätter in Polen 1926, 322.

² Вероятно тождественно с одноименными местами в б. Моск. г. Богор. у., Снм №№ 884 и 837.

³ Nord. Personennamen in England, 42—43 (Stud. zur engl. Phil., 1910, XXXVII) — работа, на которую ссылается Фасмер.

⁴ Noreen. Altschwed. Gramm., 436—437.

*Шкулы

Др.-сев. Skúli, др.-шв. Skule (LB 233).

Псков. Холм. Снм № 14574 — Шкулы (Бороушенки).

Предлагаю это сопоставление не без сомнений: возможно, что Шкулы связывается с такими русскими названиями, как, напр., Скулино (Снм б. Влад. г., Переясл. у., № 3707), и что как для него, так и для них, ближе всего объяснение из русского языка. Личное имя в качестве местного названия в чистом виде, без окончания -ов, -ин, и т. п. — явление, сравнительно, необычное (см. выше твер. Улеб); со стороны формы оно могло в данном случае ассоциироваться с мн. ч. имен существительных, как пилы, столы, и т. д. Как во многих других случаях, интересно было бы знать, где стоит ударение в местном говоре.

*Шуфость (Шухвость)

Др.-шв. Siofast (LB 226—227).

Г. Фасм. 661 Псков. Опоч. Снм № 6803 — Шухвастово.

Пб. Витеб. Витеб. Снм, 12⁵⁶ и 12⁷⁴ — Шухвосты.

Вполне правильно объясняется так, как у Фасмера, но, в виду больших сомнений, возникающих относительно шведского происхождения аналогичного по форме Бухвастово (см. выше), и к этой этимологии, может быть, следует относиться с осторожностью. Не исключена, конечно, возможность, что *Шуфость совершенно независимо от этого обстоятельства, действительно, восходит к Siofast.

Яволодь

Ипат. летоп. 1209 г., Новг. III. 1216 г.

Др.-сев. Ávaldr, др.-шв. Avald (LB 20)¹.

Местные названия, непосредственно восходящие к этому имени, вроде Яволодово, Яволожь, мне не встречались. Предполагаю несохранившуюся в памятниках польскую форму *Jewlad и возвожу к ней следующие данные:²

Смол. ЛМ (РИБ XXVII, 501), XV—XVI в. — фамильное наименование Евладовы. Мин. Слуцк. Снм изд. 1924 г., 199³⁹ — Евладовичи.

¹ Относительно долгого *a* и *-valdr* см. Thomsen 391, Akun, и 405, Rogvolod.

² Рассматриваемая здесь группа, так же, как и Гримъ (см. выше), проработана мною совместно с Л. В. Разумовской; все замечания по польскому яз. и фонетике принадлежат здесь ей.

Подол. Камен. Zg. dz, XIX, 171 и др., XVI в. — Iwladowcze; Брацл., ib., XXI, 648, XVII в. — folwark Jewladowski.

Если считать, что польская форма передает здесь др.-русс. Яволодь, то имена *ja* и *je* на почве польского яз. является обычной, именно, *a* || *e* после *j*.¹ Что касается *-wlad* вместо *-włód*, которое можно здесь ожидать, что и эта форма так же не представляет собою в польском яз. ничего необычного,² но в польской ономастике *Jewlad — единственный случай, когда *wlad-* является второй частью двучленного личного имени; это обстоятельство говорит в пользу того, что мы имеем здесь заимствование.

Якунь

Дог. 945 г. — Прастѣнь Якунь по Лавр. и Радз. сп.;³ Якунь, с иотированным *a* — в Ипат. и Моск.-Ак. Кроме того — варяг Якунь в Лавр. летоп. 1024 г., и в Патерике Печерском. Нередко встречается в летописях, особенно, новгородских, кончая XIV в. Др.-сев. Hákon, др.-шв. Након, Накун (Thoms. 391, LB 91—92).

Г. Фасм. 664, Костр. Солиг. Снм № 9342 — Якуново. 672 Волог. Кадр. Снм № 5150 — Якуниха, № 11136 — Якунинское.

Подобных названий на территории СССР такое множество, и они так однообразны по форме, что перечислять их нет надобности; костромское и вологодские, упомянутые Фасмером, достаточно полно представляют главные разновидности этой группы. Они встречаются почти во всех районах, о которых приходится говорить в настоящей работе, причем данные Снм значительно преобладают по количеству над актовым материалом. Несколько неожиданным представляется редкое появление таких названий в Ипк при сравнительно частом упоминании имени Якунь в новгородских летописях. Судя по летописям, оно, вообще, было довольно распространено в древней Руси, а следовательно, как я полагаю, для производных от него местных названий в значительной мере возможен вторичный характер. Отмечу, кроме того, наличие в некоторых русских говорах таких уменьшительных от имени Яков, как Якуня и Якунец.⁴ Здесь возможна позднейшая контаминация др.-русс. Якунь < Hákon с христианским именем.

¹ Л. В. Разумовская ссылается здесь на Loś, Gramm. polska histor., I, § 24 и на польские акты XV в.; ср. написание Ярослав. и Ерослав в ЛМ.

² Loś, ук. соч., § 89, Brückner, Słown. etymol. jęz. polsk. и его же Dzieje jęz. polsk.

³ Якунь — исправление А. Шахматова по смыслу (притяжательная форма) — см. Пов. вр. л., ук. изд., 51, прим к строке 16.

⁴ Герасимов. Череповецкий говор, 98; Якушкин. Словарь яросл. говора, 42.

К Након Фасмер возводит также польск. *Jakow* — одно из целой группы местных названий в Польше, для которых он предполагает скандинавское происхождение.¹

*Ярны

Др.-сев. *Arni*, др.-шв. *Arne* (LB 15).

Новг. Дер. пят. Ник I, 380 — Ярнова гора.² Твер. Мпк II, 175 — Ярнево; *ib.*, 361 — Ярневский десяток. Кал. Кал. Спм № 220 — Ярнево (Елманово). Мин. Слон. АВК XVIII, 223 и 247, XVII в. — Ярнево.

* * *

Настоящий список вместе с сопровождающими его замечаниями касается, так или иначе, приблизительно около половины названий, приводимых Фасмером; для остальных среди имеющегося у меня материала данных нет, или слишком мало, или же, наконец, они пока еще недостаточно ясны, чтобы высказаться, хотя бы предположительно, в том или ином смысле.

Дальнейшие соображения относительно топонимического материала как исторического источника, привлекаемого ныне к изучению варяжского вопроса, излагаются мною во второй части настоящей работы.

К ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ

(Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси)

Е. А. РЫДЗЕВСКОЙ

(Представлено Историко-археографическим институтом)

Часть вторая¹

III

1

Раньше, чем разбирать значение топонимического материала, которым мы пользуемся «в поисках варягов-викингов»² на Руси, надо отметить руководящее значение, которое имеют здесь археологические данные, о чем и придется говорить подробнее в дальнейшем. Работа Фасмера является первым опытом увязки топонимических исследований с археологическими, и в этом, несмотря на вызываемые ею принципиальные возражения, заключается ее несомненная ценность.

Местное название само по себе, даже, если его можно удовлетворительно объяснить из скандинавского корня, еще не является прямым доказательством непосредственной связи со скандинавами, а тем более — их поселений на Руси. Дело осложняется здесь возможностью вторичных образований и наслоений, которые, как мы видим, вызывают в ходе исследования разного рода попутные соображения и оговорки. Для попыток отыскания следов скандинавско-русских взаимоотношений, личные имена, как таковые, являются, может быть, более убедительными, чем производные от них местные названия. Но и эти личные имена могут также носить вторичный характер — именно те, которые нашли более или менее широкое распространение в древне-русском обиходе. И к ним, и к производным от них местным названиям, относится уже высказанное в соответственных случаях

¹ Zeitschr. für slav. Phil. 1930, VII, 148.

² Ср. неясное по форме Ярновикъ в Шед. пят. (Нпк IV, 8 и V, 497); у Андрияшева отождествление с дер. Яровицы близ Ильмена поставлено под вопросом (ук. соч., 11).

¹ Часть первую см. ИОН, 1934, № 7, стр. 485 и сл.

² Заглавие указанной выше статьи А. И. Соболевского в «Slavia», 1930, VIII, ч. 4.

предположение об обратно-пропорциональном отношении между их распространенностью и возможностью усматривать в них подлинные следы варягов на Руси.

Каждое подобное предположение, взятое в отдельности, лишь намечает возможные приемы исследования в отношении нашего фактического материала, отнюдь не претендуя на руководящее значение. В таком сложном вопросе, разработка которого только еще начинается, едва ли можно уже окончательно установить все пути и способы исследования. Изложенные здесь замечания имеют целью, прежде всего, обоснование дополнений и поправок к первой работе по скандинавско-русской топонимике, каковой являются «Wikingersprugen in Russland» Фасмера, и направлены в сторону соблюдения осторожности в отношении имеющихся у нас фактических данных.

Само собою разумеется, что здесь, как и при всяком исследовании, сколько бы оно не занималось отдельными деталями, не миновать и общих принципиальных вопросов, поставленных на очередь современной наукой в СССР.

Фасмер вполне справедливо отмечает отсутствие в русской научной литературе систематических работ по финской топонимике, как препятствие для изучения, в частности, названий наших северных рек и озер (654, 668).¹ Со своей стороны мы можем добавить, что здесь надо не только учитывать финский элемент, но и считаться с теми возможностями, которых Фасмер не касается вовсе, и которые ведут нас далеко за пределы исторически известных этнических и языковых образований, вглубь доисторических социально-экономических формаций. В ходе настоящей работы неоднократно приходилось упоминать об исследованиях А. И. Соболевского, охватывающих, вообще, очень большой топонимический материал, собранный — или, вернее, разбросанный — в «Русско-скифских этюдах» и других работах этого автора. Материал этот требует дальнейшей разработки на иной методологической основе, которую и дает наше новое, яфетидологическое, учение о языке.

На Соболевского я ссылаюсь в указанных выше случаях отнюдь не потому, чтобы его объяснения представлялись мне единственно возможными. Независимо от вопроса об их правильности, они интересны тем, что открывают нам так или иначе перспективу более углубленную, чем та, которая представляется при таком подходе к материалу, как у Фасмера. Их можно

¹ Недавно вышла касающаяся именно этого материала весьма интересная работа Фасмера «Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern» (Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, II. Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss., hist.-phil. Kl., 1934, XVIII).

было бы учесть, во всяком случае, как работу, уже сделанную, как бы то ни было, в области анализа топонимических данных, которых касается Фасмер в «Wikingersprugen».

Говоря о том, что за последнее время исследования наших ученых не дали чего-нибудь значительного в смысле разработки др.-русс. топонимики так наз. варяжского периода, Фасмер (654) прав только в том смысле, что у нас еще нет исчерпывающих и систематических работ в этой области, но он при этом совершенно игнорирует выдвинутые в нашей науке новые методы языкознания, а следовательно — и изучения топонимики, с которыми не может не считаться ни один исследователь, безразлично — занимается ли он эпохой викингов, или значительно более отдаленной древностью. «Wikingersprugen» написаны так, как будто яфетидология, вообще, не существует на свете; почти все построено на предполагаемых заимствованиях от скандинавов в IX—XI в. Не говоря уже о полном игнорировании яфетидологии с ее методами, как о позиции, неприемлемой с научной точки зрения, слишком мало место уделено разным другим возможностям объяснения той или иной топонимической группы, хотя бы в пределах той эпохи, которую мы здесь занимаемся.

Топонимика является областью непрестанного движения и развития; возникают новые названия, наряду с ними сохраняются старые, относящиеся к самым разнообразным периодам. Как письменные памятники прошлого, так и современные записи географической номенклатуры, дают нам, с первого взгляда, пеструю во всех отношениях смесь названий. Не исключены случаи, когда какая-нибудь запись XIX—XX в., напр. в Списках населенных мест, сохраняет топонимические данные более древние, чем те, что зафиксированы в весьма почтенных и ценных памятниках исторического характера, как напр. Писцовые книги. Пытаясь разобраться в имеющемся материале, мы должны, прежде всего, считаться со всеми обстоятельствами и всеми возможностями, связанными с его сложностью и разнообразием.

Необходим в первую очередь учет и выявление этого материала, весьма обильного на обширной территории нашего Союза, до сих пор мало изученного и, если изданного, то пока еще далеко не в полном объеме.¹

Систематическая разработка топонимики СССР, как источника исторического, и изучение каждой группы ее — как исторического памятника,

¹ По названиям рек и озер у нас имеются, как известно, чрезвычайно ценные списки П. Л. Маштакова по басс. Днепра, Днестра и Ю. Буга, а также Д. Ф. Шанько по Ленинградской области.

имеет значение особенно для тех периодов, для которых письменных памятников нет или имеется сравнительно мало. Широкая постановка такой работы, несомненно, даст интересные результаты в смысле, напр., выявления содержащихся в топонимике данных социально-экономического характера. Как систематизация, так и периодизация топонимического материала является вопросом очень сложным; для изучения его в полном объеме и для всестороннего освещения необходима совместная работа лингвистов, историков и археологов.

Современная археология основывается, как известно, на изучении комплексов, а не отдельных вещей и их типов. Может быть, не представится слишком рискованным говорить о подобных же комплексах и в изучении топонимики. Каждое местное название имеет, как по своему корню и значению, так и по внешним и формальным признакам, целые группы «родичей», которые неизбежно тянутся за ним, как только исследователь за него принимается. У каждого есть также свое местное окружение, свои «соседи», с которыми приходится считаться не меньше, чем с родичами; подбор одних этих последних, разбросанных в разных местностях, даст нам лишь нечто подобное формально-типологическим группам в археологии; ограничиваться ими одними в топонимических исследованиях так же мало пригодно, как и в области этой последней. Подбор родичей, как рабочий прием, как один из этапов обследования материала, неизбежен, но не на нем одном будут основываться более широкие обобщающие выводы. Если данное местное название в тех или иных местностях оказывается более или менее редким, спорадическим, то это не значит, что в дальнейшем более тщательный анализ не вскрыет в его окружении какие-нибудь такие топонимические данные, которые дадут ему новое освещение.

2

Связанный со скандинавско-русской топонимикой вопрос о варяжских поселениях в древней Руси ожидает решающего слова, прежде всего, от археологии, каков бы ни был, со своей стороны, состав местных названий, их группировка, и т. д. и представляемый всеми этими фактами несомненный интерес.

Скандинавских вещей найдено на нашей территории, как известно, очень много; они входят в состав погребений и отдельных находок и кладов, как следы варяжской торговли, начиная с ее сосредоточения в более или менее крупных укрепленных пунктах на водных путях, где можно предполагать фактории, склады и пристани, и кончая отдельными случаями

ее отражения в материальной культуре местного населения, когда те или иные предметы могли попасть в местность, где они обнаружены, через вторые или третьи руки, а не непосредственно от скандинавов и из их центров. В состав вещественных памятников, связанных с варяжской торговлей, входят и находки восточного типа, включая знаменитые клады восточных монет. Значение скандинавской восточной торговли достаточно хорошо известно.

Наряду с временными поселениями варягов-викингов на Руси, Фасмер предполагает существование и более прочных, постоянных — «richtige schwedische Bauernsiedlungen» (650). Здесь возникает вопрос о том, какие находки можно считать доказательством таковых, а не только следами скандинавской, преимущественно — шведской, торговли с ее попутными опорными пунктами и непосредственным или косвенным влиянием в тех местностях, где шли ее пути.

В нашей современной археологии значение более основательного и постоянного варяжского центра признается за смоленским Гнездовым¹ и за так наз. норманским слоем в Старой Ладоге.²

Что касается других местностей, где скандинавские находки обнаружены в большом числе, в частности — в могильниках, богатых предметами соответственного типа и происхождения, то наличие погребений, которые можно, действительно, признать скандинавскими, является, конечно, в сравнении с отдельными находками, значительно более веским доказательством пребывания норманнов в данных местах. Фасмер указывает наряду с Гнездовым на известные ярославские могильники Михайловское и Б. Тимирево (650). В Михайловском, кроме русских исследователей, производил раскопки в 1913 г. шведский археолог Т. И. Арне; обнаруженные здесь погребения он приписывает шведским колонистам.³ В 1925—1927 гг. в 12 км от Чернигова, близ дер. Шестовицы, раскопан могильник, богатый скандинавскими находками, подробно описанными Арне; самый тип погребения он считает здесь скандинавским.⁴ Называю лишь некоторые наиболее известные места таких находок, на основании которых можно

¹ В. И. Равдоникас. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, 15 (Стокгольм, 1930).

² Ук. соч., 25; об отсутствии следов постоянных норманских поселений в остальном Приладожском крае см. там же, 27 и 128 сл., а также в статье того же автора в Fornvännen, 1931 г., 362.

³ Ett svenskt gravfält i gäv. Jaroslavl, Ryssland (Fornvännen, 1918, 46—47).

⁴ Skand. Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine (Acta archaeol., 1931, II, ч. 3, 285—302).

поставить вопрос, если не о колониях в том смысле, как говорит Фасмер, то, во всяком случае, о следах пребывания здесь норманнов.

Насколько эти следы имеют, действительно, несомненное значение, как таковые, может показать лишь подробный археологический анализ, охватывающий и сопоставляющий данные, относящиеся к этому вопросу, во всех местностях, где они имеются. Такая общая сводка могла бы положить основание для полной и всесторонней оценки значения интересующего нас материала, в частности — погребений, как наиболее важной в этом отношении категории находок.

Судя по известным до сих пор в нашей соответственной научной литературе данным и по высказанным в ней мнениям, археология заставляет нас относиться с большой осторожностью к тем или иным скандинавским находкам на территории СССР, как к доказательствам постоянных поселений норманнов.

Поскольку Фасмер в своей работе ссылается на археологический материал, здесь возникает вопрос о том, насколько справедливо его мнение, что местные названия предполагаемого скандинавского происхождения наиболее распространены в тех областях, и, в особенности — на тех речных путях, в районе которых также и археологические исследования и раскопки открыли более всего скандинавских вещественных памятников (674). Мне представляется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно, но лишь в самых общих чертах, не спеша с заключениями относительно варяжских колоний на основании как находок отдельных предметов, хотя бы и очень типичных и интересных в своем роде, так и наличия местных названий, относительно которых надо учитывать сомнения и неясности, возникающие при их анализе.

Топонимический материал, как мы видим, не так-то легко дается в руки исследователю, пытающемуся установить для него известную точность и определенность. Наряду с этим затрудняющим обстоятельством, приходится учитывать и то, что археологические и топонимические данные далеко не всегда совпадают. Так, напр., в районе Гнездова, которое считается, как уже сказано, несомненным норманским центром, особенно заметной концентрации соответственных местных названий нет; наоборот, в Новгородском крае, где много «варяжских» местных и речных наименований (см. выше, варягъ), археология, со своей стороны, «опорных пунктов» для отыскания варяжских поселений, насколько мне известно, не имеет. Установить с большей или меньшей точностью согласованность археологических и топонимических данных — задача дальнейших исследований, для которых со стороны работы над топонимикой требуется в первую очередь внима-

тельное изучение материала и основанная на его результатах оценка наших, если можно так выразиться, топонимических памятников.

Дать более подробную и исчерпывающую критику всей той части работы Фасмера, которая касается археологии, надлежит, конечно, нашим специалистам-археологам.

3

Значение топонимического материала, собранного Фасмером и мною, представляется, как мы видим, во многих отношениях спорным в смысле его непосредственной связи с норманнами, а тем более — в смысле доказательства соответственной колонизации на Руси; между тем, в западно-европейской научной литературе последнюю принимают, как вопрос решенный, не только Фасмер, но и такие исследователи, как шведские археологи Т. И. Арне и Б. Нерман, специально занимающиеся скандинавско-русскими отношениями в области вещественных памятников.

Нечто более положительное рассматриваемый здесь материал дает, может быть, несмотря на все связанные с ним трудности и сомнения, в смысле выявления скандинавской ономастики в составе русских местных названий.

Рассматривая и оценивая личные имена, поскольку есть основание видеть в них заимствования, как одну из сторон культурного общения древней Руси со скандинавским Севером, мы, прежде всего, ставим вопрос о том, в какой социальной среде они могли преимущественно отразиться, и какими путями проникать в нее.

К сожалению, мы не имеем возможности проследить их в более широких массах, так как для древнейшего периода у нас нет памятников, упоминающих поименно множество лиц из сельского и городского населения, как грамоты и писцовые книги более позднего времени. Древнейшая ономастика в значительной мере восстанавливается по таким местным названиям, архаичский характер которых можно считать очевидным или предполагать с большей или меньшей вероятностью.¹

¹ На попытку отыскания в составе русских местных наименований личных имен скандинавского происхождения, неизвестных из других источников, как на одну из сторон исследования вопроса о скандинавско-русских отношениях эпохи викингов, указывает и Фасмер (673). Прибавлю, со своей стороны, что тоже самое можно сказать и о целом ряде имен славянского происхождения, не сохранившихся, или очень редких, в др.-русс. текстах, но дошедших до нас в топонимике. Соболевский отметил это по поводу имени Будимир (Сб. отд. русск. яз. и слов., 1910, LXXXIII, ч. 3, 237); несколько сопоставлений др.-русс. личных имен с местными названиями было сделано еще раньше Гинкеном (Жив. Стар., 1893 г., I, 440 сл.); среди имеющегося у меня топонимического материала есть много производных от таких имен, как Видимир, Воимир, Солослав, Хотимир, и т. д.

Скандинавские личные имена могли проникать в более широкие социальные круги (ср., напр., Иворъ), не столько через самих варягов, сколько через верхние слои местного населения, соприкасавшиеся с ними непосредственно, начиная с княжеской и дружинной среды в таких крупных городских центрах, как Новгород, Киев и др., и кончая всякого рода местными вождями и старейшинами с их ближайшим окружением в тех местах, где у скандинавов были свои места сбора дани, торговые пункты, пристани и т. п.

Среди местных названий, для которых предполагается происхождение от скандинавских личных имен, замечательно полное отсутствие производных от женских имен, между тем, как в самих скандинавских странах они довольно распространены.¹ Это обстоятельство говорит против колонизации в смысле переселения из Скандинавии, точнее — из Швеции, целыми семьями и родственными группами.² Др.-сев. саги, кстати, ни разу не упоминают о скандинавских женщинах на Руси, за исключением Ингигерды, жены Ярослава.³ Немногочисленные скандинавские женские имена, известные в др.-русс. памятниках, ограничиваются княжеской средой; относительно их более широкого распространения мы не имеем данных. Варяжские семьи на Руси были, вероятно, смешанного этнического состава, т. е., создавались путем браков с местными женщинами, благодаря чему варяги, как этнический элемент, и ассимилировались довольно быстро с местной средой.⁴

Что они так или иначе обосновывались на Руси — несомненно, но едва ли есть основание видеть здесь широкое и планомерное колонизационное движение в том смысле, как его принимают многие западно-европейские ученые, представляющие его себе в государственном масштабе.⁵

¹ Исключением являются Рогнъдъ (см. выше) и Ольга; производных от этого последнего имени много, но вопрос о них осложняется связью по народным преданиям с личностью княгини Ольги, жены Игоря.

² Едва ли можно, поэтому, согласиться с предположением М. Н. Покровского об отражении в знаменитом сказании о призвании варягов факта переселения целого небольшого племени (Русск. ист., I, 27, изд. 7-е).

³ Об Ингигерде сохранились подробные и интересные известия, но такие факты, как браки между русскими князьями и скандинавскими княжнами к вопросу о колонизации не относятся. Сообщение Óláfs saga Tryggvasonar о поездке матери Олафа, Астрид, на Русь (куда она, впрочем, так и не добралась) к своему брату, служившему у князя Владимира, представляет собою лишь единичный факт.

⁴ См. замечания С. Н. Сыромятникова по этому вопросу (ЖМНП 1912, VII, 124, и Жив. Стар. 1892, II, 29).

⁵ Как замечает В. И. Равдоникас (Die Normannen, 8), Нерман, напр., изображает отношения скандинавов к финским и славянским племенам IX в. в несколько модернизированном виде, напоминая отношения между колониями и ведигодержавными центрами в XX в. (V. Nerman, Die Verbind. zwisch. Skand. und dem Ostbalt., 49, 1929 г.), т. е. видит здесь не ту

На Русь шли дружины со своими вождями и торговые объединения; известия др.-сев. саг рисуют нам именно такого рода элемент, в зависимости от обстоятельств — в роли завоевателей, военных наемников, или купцов. Характер разбойничьей торговли того времени и тесная связь ее с войной достаточно выяснены.¹ Вокруг таких вождей и объединенных группировались, очевидно, и новые пришельцы, те же воины и купцы, приходившие на Русь по знакомым торговым путям. Хорошо известные данные др.-сев. литературы, на которые столько раз ссылались исследователи,² надо было бы пересмотреть с точки зрения того, какие в них можно вскрыть отношения норманнов к местному обществу. Сюда присоединяется и вопрос о социальном составе самих скандинавских военно-торговых товариществ, о характере взаимоотношений, складывавшихся в этой среде, и т. д. Их анализ с этой точки зрения естественно связывается с изучением скандинавско-русских отношений эпохи викингов.³

Опыт разработанной на основании изучения вещественных памятников схемы отношений скандинавов к местному населению в связи с их набегами, их торговлей и военно-наемной службой на Руси в разные периоды с конца VII в. до XI в. включительно, дан недавно В. И. Равдоникасом в частности для Приладожья.⁴

Литературные данные, так же как и топонимические, требуют увязки с методами и результатами археологических исследований, в области которых очень ценна именно возможность вскрыть на основании вещественного материала социально-экономические процессы, связанные так или иначе

основу, какую можно предполагать в действительности. Подобное же возражение можно, между прочим, сделать и В. А. Бриму относительно движения германских племен с севера к черноморскому югу в начале настоящей эры, как «осуществления их давнишней политической мечты» и как явления, «спродиктованного этой идеей» (Путь из варяг в греки, 205). Что это движение германцев, как исторический процесс, связывается с позднейшими поездками норманнов по днепровскому пути — совершенно верно, но едва ли и тем и другим руководили мечты и идеи или государственные планы.

¹ См. М. Н. Покровский, Русск. история, I, 72—73 (изд. 7-е), и Очерк истории русской культуры, I, 47—49 (изд. 5-е).

² Обзор этих сведений, с критическим разбором и историческим освещением, дает Ф. А. Браун в своей статье «Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jahrh.» (Festschrift E. Mogk, 1924 г.).

³ Здесь можно вспомнить сделанное почти 100 лет тому назад замечание А. А. Куника о том, что среди иностранных источников ценны не только те, где прямо говорится о русской истории (Die Berufung der schwed. Rodsen, I, введ., XIV, 1844 г.). Варяго-русские исследования, может быть, слишком долго сосредоточивались на прямых указаниях, не углубляясь в изучение такого материала в тех же сагах, где о Руси не говорится, но который, тем не менее, может оказаться весьма полезным.

⁴ Die Normannen, 134 сл.

с деятельностью норманнов на Руси. Само собою разумеется, что недостаточно констатировать район распространения скандинавских находок и наличие обозначенных ими торговых путей; недостаточно также и того, что этот район, в общем, совпадает с тем, где распространены местные названия, для которых можно с большей или меньшей вероятностью предполагать скандинавское происхождение. Здесь необходим более углубленный археологический анализ. Важен не только факт находки таких-то вещей, погребений и т. д., но и вопрос о том, что они собою отражают. Совершенно такова же и проблема значения местных названий, еще более сложная, чем вопросы археологии, так как топонимические памятники поддаются исследованию труднее, чем вещественные; кроме того, они у нас до сих пор очень мало разработаны.

Как мы видим, вероятность непосредственной связи со скандинавами эпохи викингов для некоторых топонимических групп значительно ослабевает, между прочим, в силу соображений о их возможном вторичном характере; признак распространенности, как я полагаю, говорит при этом не в ее пользу (см. выше). Здесь возникает уже намеченный мною вопрос о том, не представляется ли она более вероятной для предполагаемых производных от скандинавских же имен, но редких, или вовсе неизвестных, в др.-русских текстах; здесь, как будто, скорее можно допустить, что подобные местные названия являются прямыми следами имен каких-то варягов — вождей, купцов, дружинников, стоявших во главе торговых пунктов, мест сбора дани и т. п., а не возникли в местной этнической среде, где были в употреблении варяжские имена.¹ Но говоря и об этих случаях, остается лишь подчеркнуть еще раз необходимость увязки топонимических исследований с археологическими; лишь таким путем можно более или менее прочно обосновать все наши предположения о первичном или вторичном характере местных названий и, вообще, о их значении, как исторического материала.

4

Если мы обратимся, в связи с поставленным ныне на очередь вопросом о скандинавской колонизации на Руси, к древним северным сагам, то, несмотря на всю недостаточность их сведений о нашей стране, на лишь «кажущееся богатство» их в этом смысле, как выразился уже давно Ф. А. Браун,²

¹ Приходится в таких случаях предполагать, что эти названия, так сказать, законсервированы в русской топонимике в их первоначальном виде и не искажены в духе так наз. народной этимологии, которая идет, вообще, по линии наименьшего сопротивления, т. е. в сторону чего-нибудь общеизвестного и понятного.

² Записка, представленная на засед. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. Наук 9 X 1910 г. (Изв. Акад. Наук, 1911, № 1, 29).

и, наконец, на отсутствие шведских саг, которые могли бы в этом отношении дать больше всего — представляется, все-таки, маловероятным, чтобы эта литература (не говоря уже о других исторических источниках) не дала каких-нибудь, хотя бы косвенных, указаний на соответственный характер движения норманнов на Русь.

В отношении другой категории скандинавских памятников, именно — шведских рунических надписей, имеющих при всей своей краткости преимущество подлинных документов, остается в силе мнение, высказанное о них Ф. А. Брауном¹ — новых откровений относительно образования русско-варяжских центров на Руси от них ожидать нельзя. Тем не менее, в этой области возможной и интересной представляется другая задача — проследить в них социально-экономические данные, связанные с поездками на Русь, в Прибалтику и в Византию; при помощи тщательного и детального исследования здесь может выясниться не мало интересного относительно упоминаемых ими людей, предпринимавших подобные поездки, в общей связи с социально-экономическим бытом их родной страны.

Др.-сев. литература весьма богата ценнейшими сведениями о хозяйственной и производственной жизни и о социальном строе скандинавского Севера в эпоху викингов; к сожалению, она ничего подобного не дает для норманнов на Руси. Единственное, напр., указание на рабовладение в их среде имеется в одной из легенд церковного характера о чудесах св. Олафа в др.-сев. и латинской редакции,² где говорится, что у одного варяга на Руси был раб-ремесленник, оружейник, купленный им, после чего он еще переходил несколько раз из рук в руки. Несмотря на книжный, клерикальный, характер той обстановки, в которой мы встречаем это известие, оно, может быть, сохранило черты реальной действительности. Сравнительно слабое отражение в др.-сев. сагах обширной скандинавской работорговли на Руси объясняется, может быть, тем, что она была связана через нашу страну с восточными рынками, а непосредственно для скандинавского Севера имела меньше значения.³

¹ Ук. записка, 26--27.

² Óláfs Saga hins helga легендарной редакции, гл. 124 (изд. 1849 г.) и Acta S. Olavi, гл. 19 (Monum. hist. Norw., изд. G. Storm, 1880 г.). Исследователи относят составление легенды об Олафе, о его чудесах, и т. д., не позже, чем ко 2-й пол. XII в., и считают, что она восходит к преданиям, сложившимся еще в XI в., и была записана впервые тогда же, на латинском языке.

³ Известие Óláfs saga Tryggvasonar (Heimskringla I, гл. 52) о продаже рабов на рынке в X в. относится к Прибалтике (Eistland); среди покупателей здесь появляется богатый норвежский купец. В поэме скальда IX в. Þorbjörg hornklofi «Haraldskvaedi», т. е. песня о Гаральде (Гарфагре), в числе подарков, раздаваемых конунгом дружинникам, упоминается man austgoent — рабыни с Востока, как переводит Ф. Йонссон.

Отметив значение социально-экономических данных, заключающихся в сагах, добавлю по этому поводу, что изучение этой стороны варяжского вопроса — как хозяйничали скандинавы у себя дома, на какой материальной основе строился их общественный быт и вся вообще богатая и своеобразная культура эпохи викингов — до сих пор очень мало привлекало внимание русских норманистов; между тем, оно далеко не лишено значения для понимания этих самых варягов, как таковых. Искать непременно какого-нибудь влияния с их стороны, перенесения ими своего производственного и социального уклада на Русь и т. д., здесь едва ли приходится: на территории нашей страны у них на первом месте стояла наемная военная служба, а также торговая деятельность, т. е. добывание и обмен товаров, а не овладение производством и организация его.

В связи с вопросом о их поселениях, особенный интерес могли бы для нас представить те места саг, где говорится о норманнах родом с Руси, но сколько-нибудь надежных прямых указаний такого рода не имеется.¹ *Fagrskinna* (свод саг, составленный в перв. пол. XIII в.) дает для XI в. краткие сведения об организации норманнских дружин и наемной военной службы у Ярослава,² причем из этого текста мы видим, что в Ладоге последовательно сидели два шведских вождя, ярл Рёгнвальд и сын его Эйлиф, обязанные данью и военной службой Ярославу, но дальнейших известий об этом варяжском роде, связанном с Ладогой, саги не сообщают. *Eymundar Saga* говорит об одном из условий соглашения между русскими князьями, Яро-

¹ Викинг Рандвер родом с востока, из Новгорода (*ættadr austan or Holmgarde*), в *Faer. þáttur* (*Flateyjarbók*, I, 138) и Нидунг родом из Суздаля (*kyndr or Syrgisdolum*), как называет себя переодетый странником скальд Торлейф в *Þorl. þáttur jarlask.* (ib., 211), в счет не идут, так как появляются в эпизодах вымышленных и фантастических, хотя и входящих в состав повествований, не лишенных исторической основы. Сведения, касающиеся лиц из княжеской среды, вроде относящегося к XI в. упоминания о русской материнской родне Торгильса, сына датского короля Свейна (*Knytl. saga, Fornmannas.*, XI, 212), оставляю здесь в стороне, поскольку для нас были бы интересны известия относительно более широких социальных кругов. Замечательно, кстати, что саги, говоря о связях скандинавских вождей и дружинников с князьями-рюриковичами, ни одним словом не упоминают о варяжском происхождении этих последних. Не отразилась, как известно, в этой литературе и знаменитая легенда о призвании; против ее скандинавского происхождения, точнее — против ее оформления непосредственно на почве скандинавских преданий, говорят, между прочим, и то обстоятельство, что имена Рюрика, Синеуса и Трувора не образуют аллитерации, обычной для имен героев в древне-скандинавских сказаниях. Ее искусственное, книжное, происхождение в др.-русской летописи с одной стороны, а с другой — та историческая обстановка, которую она по своему отражает, выяснены достаточно; что касается имен, которые она дает своим трем героям, то возможно, на основании только что указанного признака, что они принадлежали каким-то действительно существовавшим, и известным в свое время на Руси, северным вождям.

² Изд. Ф. Ионссона, 218 (1902 г.).

славом и Брячиславом (с участием пришлых норманнских вождей), по которому Эймунду дается Полоцк с тем, чтобы его держали после Эймунда его наследники; за неимением таковых после смерти Полоцк перешел, с согласия Ярослава, к другому норвежскому вождю, Рагнару, товарищу и другу Эймунда.¹

В др.-русских памятниках единственный случай, где мы можем проследить судьбу варяжских пришельцев в двух, а может быть и в трех поколениях — это известное предание о Шимоне-варяге и его сыне Георгии, входящее в состав Печерского Патерика.² Оставляя в стороне элемент церковной легенды, мы здесь имеем следующие факты: Шимон, сын варяжского князя Африкана (*Afreki*) и племянник Якупа-варяга, о котором говорит Лавр. летоп. под 1024 г., выходец из Швеции, из Сёдерманланда, как полагает Ф. А. Браун,³ был, по словам Патерика, «въ чести» у Ярослава, участвовал при Изяславе в битве с половцами на р. Альте в 1068 г. и «прия великую власть» от другого Ярославича, Всеволода, к которому перешел в качестве старшего дружинника.⁴ В эпизоде обращения из католической веры в православную он появляется «со всёмъ домою своимъ яко 3000 душъ и с иереи» — цифра, вероятно, преувеличенная, но, во всяком случае, речь идет о довольно многочисленном окружении знатного варяга, прочно обосновавшегося на Руси. Церковная легенда, заинтересованная здесь переходом всех этих людей в православие, представляет себе их, повидимому, одноплеменными с главным лицом. Надо думать, что это окружение сложилось уже во время пребывания Шимона на Руси; он и его брат Фрианд, спасаясь бегством из Швеции, где с ними враждовал их дядя Якуп, едва ли могли привести с собой особенно многочисленную дружину.

Георгия Шимоновича Патерик знает в качестве тысяцкого в Ростовско-Суздальской земле, ставленника Владимира Всеволодовича Мономаха, и его же (или его сына Георгия), в той же области при Юриц, сыне Мономаха. В связи с неоднократно подчеркиваемой Патериком близостью Шимона и его сына к Феодосию Печерскому и к Печерскому монастырю вообще

¹ *Flateyjarbók*, II, 133—34.

² См. Ф. А. Браун. Шимон и Фрианд, сыновья варяжск. князя Африкана (ИОРЯС 1902, VII, вып. 1, 359—365).

³ Ук. соч., 362—63.

⁴ Патерик Печерский в изд. Археогр. ком., 3—5 и 187—189 (1911). Представителем третьего поколения является сын Георгия Шимоновича, также Георгий, если понимать соответственное место Патерика в том смысле, что речь идет о втором Георгии (5 и 189, а также 252, где указаны варианты по Феодосиевской редакции Патерика).

ион, № 8.

стоит известие о том, что Георгий оковал золотом и серебром гроб Феодосия.¹

По традиционной связи со старшей ветвью князей Ярославичей, Георгий, также, как в свое время его отец, повидимому, «прия власть велику» от своего князя, но его положение уже более уточнено и связывается с определенной областью (землей) древней Руси. Относительно варяжского элемента в его окружении нет никаких указаний. Данный район Поволжья, несомненно, был давно известен скандинавам по их торговым поездкам,² но для того, чтобы предполагать здесь в XII в. какой-то варяжский центр, соответственное происхождение лица, которому Патерик приписывает видное положение в этом крае, еще не является достаточным основанием. Дальнейшая судьба рода Шимоновичей неизвестна; если он и продолжался, то, вероятно, слился с местной феодальной средой. Те предания его, которые, как полагают исследователи, знал епископ владимирский и суздальский Симон, когда писал, в нач. XIII в., послание к Поликарпу и жития печерских иноков, входящие в состав Патерика,³ слишком скудны и односторонни, чтобы осветить положение потомков Шимона-варяга в древне-русском обществе; они касаются исключительно связей его рода с Печерским монастырем.

5

Говоря о варяжских центрах на Руси, не следует преувеличивать устойчивости их особого национального характера и, вообще, решающего значения скандинавов, как нового этнического элемента. В их связях с древней Русью мы имеем одновременно явления национального и социального порядка. Внедрение скандинавов в состав местного др.-русского общества

¹ Патерик, 62—64 и 189—191; ср. Ипат. летоп., 1130 г. В сообщении Патерика о том, что Георгий Шимонович был поставлен Мономахом в Суздальской земле, причем упоминается и о Юрии Владимировиче, далее — в рассказе об оковании гроба Феодосия, а также в указанном известии Ипат. летоп. под 1130 г., имеются некоторые неясности и противоречия, которых я здесь не касаюсь, так как это повело бы к слишком обширным отступлениям. Для восстановления первоначального чтения и смысла здесь, повидимому, требуется особое исследование по всем имеющимся редакциям Патерика и всем вариантам соответственного текста. Для нашей темы это представило бы интерес, поскольку дело касается общественного и имущественного положения и взаимных отношений др.-русских феодалов, к которым принадлежат наши варяги-Шимоновичи.

² Саги исторического характера знают Суздаль лишь в XIII в.; это — один из пробелов в их сведениях о древней Руси, объясняющихся, может быть, прежде всего, отсутствием шведских саг, между тем, как среди скандинавов, ездивших на Русь и хорошо знакомых с волжским торговым путем, преобладали именно шведы.

³ М. Д. Приселков. Очерки по церк.-полит. истории Киевск. Руси., 249—50 (1913 г.); В. М. Истрин. Очерк истории др.-русской литературы, 201 (1922 г.).

шло в направлении, определяемом значением их, как купцов, воинов, дружинников, княжеских ставленников в том или ином городе или крае; они примыкают к соответственным слоям, пополняют их, значительно расширяют их деятельность.¹ То, что принято называть древнейшим русским государством, не было принесено ими на Русь извне; они вошли здесь в тот самый процесс разложения родового и племенного быта и становления феодализма, который происходил своим чередом и у них на родине. Они проявляют себя, как элемент, несомненно, чрезвычайно энергичный и деятельный, но не как носители каких-то «начал разумной государственности», как это им приписывала прежняя историческая наука, а в качестве, если можно так выразиться, активизирующего фермента в области торговли, содействующего широкому развитию ее, с чем связывается в свою очередь целый ряд существенных социальных и экономических последствий.

Мнение Н. А. Рожкова о слабом значении торговли в древней Руси для экономической жизни широких масс уже встретило в нашей современной научной литературе ряд возражений. Как справедливо отмечает А. Петрова, автор статьи «Н. А. Рожков, как историк России»,² такие факты, напр., в области внутреннего обмена, как торговля солью и связанная с нею ростовщическая эксплуатация, далее — такие явления, как захват пленных, как отдача продуктов добывающей промышленности в виде дани, не могли, конечно, не сказываться на народном хозяйстве. Если активным фактором в торговле и главным потребителем ее результатов и являются верхние слои общества, а не широкие массы, особенно сельские, то материальную основу для обмена давали, во всяком случае, именно они. Самый процесс разложения прежнего экономического и социального строя под влиянием торговли³ достаточно говорит за то, что одной верхушкой общества дело здесь не ограничивается.⁴

В связи с таким значением торговли в древней Руси определяется и значение таких видных участников и представителей ее, какими были норманны эпохи викингов.

¹ Ср. по этому поводу высказывания Н. Я. Марра о «фетических племенах и новых государственных образованиях; последние, по его словам, «вбирают в себя в первую голову верхние общественные слои, руководящие и господствующие классы, которые всегда легче ассоциировались с господствующими классами новых установившихся могущественных государственных образований, классово-национальных» (Чуваши-яфетиды, 55).

² Собрн. «Русск. историч. литература в класс. освещении» под ред. М. Н. Покровского, II, 377—78.

³ Ср. В. И. Равдоникас, «Die Normannen», 138 сл.

⁴ См. по этому вопросу также возражения Н. А. Рожкову у В. А. Егорова, ук. соч., 120.

Насколько она широко охватывала территорию восточных славян, какие районы в этом смысле наиболее характерны и какие, наоборот, остаются в стороне, может выяснить археология на основании изучения вещественных памятников и вскрываемого таким путем экономического быта и развития в той или иной области древней Руси.

6

Как уже было сказано выше, по вопросу о варяжском землевладении в нашей стране ни летописи, ни саги определенных указаний не дают. Несомненно, что, становясь княжескими дружинниками, более или менее прочно обосновавшимися на Руси, и сливаясь с местным землевладельческим классом, варяги сами становились землевладельцами, но едва ли при этом особенно заметно сказывались какие-нибудь особые их черты, как иноплеменного элемента. Варяжское завоевание, если начать с него, сводилось, главным образом, к овладению торговыми путями, а не к добыванию земли. То широкое колонизационное движение, которое, как мы уже знаем, многие западно-европейские ученые хотят видеть в так наз. норманской экспансии на территории Вост. Европы, привело бы к разделу земли между завоевателями, к известным формам землевладения, определяющим и характер производства.¹ Не доказано и осуществление в этом случае и другой возможности — обращения завоеванного населения в рабство и значения рабского труда, как основы производства.² Для норманнов на Руси рабы были, прежде всего, предметом обмена, а не основой хозяйства.

С точки зрения вопроса о непосредственном участии в производстве интересно было бы выяснить таковой относительно ремесленников-скандинавов; отыскать следы их мастерских, установить характер их изделий и т. д. может, опять таки, археология. Насколько можно пока судить, норманны на Руси представляются, скорее, общественным слоем, непосредственно в производстве не участвующим и овладевающим не средствами его, а его необходимыми для обмена результатами, путем как вне-экономического принуждения, так и мирной торговли (поскольку о ней можно говорить в такое время, когда она была столь тесно связана с войной и грабежом), тем самым подчиняя себе непосредственного производителя.³

¹ См. Marx, Zur Kritik der polit. Ökonomie, предисл., XXIX (изд. 3-е, 1909 г.).

² Ibid.

³ См. замечания Энгельса о возникновении класса купцов, Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates, 172 (изд. 24-е, 1931 г.).

Их роль в тех случаях, когда мы имеем дело с прямым захватом с их стороны, а также с их торговыми предприятиями, яснее, чем их участие в том процессе порабощения более мирными способами, о котором говорит М. Н. Покровский, касаясь вопроса о др.-русских вдачах и закупах.¹ Имело ли здесь завоевание и племенное различие значение переходной ступени к установлению личной зависимости покоренного населения от пришельцев-захватчиков?²

Чрезвычайно важный вопрос об освоении норманнами земли и земледельческого труда непосредственного производителя, а, следовательно, и о степени их участия в процессе становления феодализма, пока еще нельзя считать окончательно решенным. Вероятным представляется, что они здесь имели значение не столько, как завоеватели, сколько как элемент, расширивший и пополнивший собою те слои др.-русского общества, которые тем или иным путем овладевали трудом и свободой широких масс.

Как отметил недавно Б. Д. Греков,³ крупная вотчина, княжеский домен, является на страницах Русской Правды уже готовой и изображена довольно детально. Варяги, как таковые, едва ли внесли в сколько-нибудь решающей мере нечто свое, скандинавское, в ее организацию и в связанные с нею социальные отношения. Замечание М. Н. Покровского о том, что юридический институт долгового холопства, закупничества перешел к нам из Скандинавии,⁴ требует, может быть, проверки с той же стороны, с какой и многие другие параллельные явления в области древнейшего русского и скандинавского права.

Наряду с вопросом о роли норманнов в указанных выше процессах социального развития, возникает также и другой — о их возможном влиянии на организацию свободного труда. Отмечая значение для их собственной деятельности в Вост. Европе тех организованных объединений, которые мы у них находим, Экблом высказывает предположение о генетической связи русской артели с товариществами такого типа.⁵ Артельное начало, могло, конечно, возникнуть среди восточных славян и вне такой прямой зависимости, но весьма вероятно, что скандинавская торговля содействовала развитию как русских торговых купеческих объединений, так и трудовых,

¹ Очерк истории русской культуры, I, 48—49 (изд. 1923 г.).

² См. об этих вопросах письма Маркса к Энгельсу от 30 X 1856 г. и от 22 XII 1882 г.

³ См. его предисловие к изданной в 1931 г. Ист.-археогр. институтом Академии Наук СССР работе «Хозяйство крупного феодала XVII в.», XXIV, и «Рабство и феодализм в древней Руси», Изв. ГАИМК, в. 86.

⁴ Очерк, I, 49.

⁵ Vereinigungen, 12 и 13, прим. I.

типа позднейших *vorschkerle* (см. выше, бурягъ), основанных на общих договорных условиях труда, заключаемых с нанимателем и между собой.

Прежние историки, занимавшиеся варяжской проблемой, преувеличивали значение прямого заимствования, между тем, как во многих случаях можно ставить вопрос о явлениях параллельного стадийного развития. Отнюдь не отрицая целиком возможности заимствования, напр., отдельных слов и терминов и засвидетельствованного ими культурного общения,¹ приходится, тем не менее, относиться строго критически к той исторической схеме, согласно которой все, что имеется сходного, будь то в области права или в какойнибудь иной, принесено на Русь извне норманнами, как основателями русского государства.²

Что представление о них, как о носителях государственных и правовых начал, пересаженных ими на русскую почву, лишено основания, достаточно убедительно высказано в глубоко существенном для интересующих нас вопросов замечании М. Н. Покровского об отсутствии всяких следов судебной роли князя в древнейшей редакции Русской Правды.³

IV

Настоящая работа, начав с дополнения фактического материала по топонимике, собранного Фасмером, оказалась в конце концов, непомерно расширенной, но топонимический материал, который ныне впервые вводится в круг скандинавско-русских исследований, связан у Фасмера с вопросом о варяжской колонизации, а это не может не вызвать целого ряда замечаний, выводящих нас далеко за пределы изучения местных названий, как таковых.

Варяжский вопрос, несмотря на громадный труд, положенный на его изучение, требует во многих отношениях дальнейшей разработки и новой постановки; изложенные здесь замечания имеют целью наметить пути и задачи необходимых и возможных исследований в этой области.

Что касается изучения топонимики, то мы видим, как мало внимания было обращено на нее до сих пор. Это отразилось и в появившейся недавно большой сводке по варяжской проблеме, каковой является работа

¹ Вопросом о скандинавских заимствованиях в др.-русском языке занимались, как известно, очень много, но нашей науке придется, вероятно, еще не раз возвращаться к нему с целью критического пересмотра.

² См., напр., указанную выше, по поводу слова *колягъ*, статью Бекмана о Русской Правде и др.-шведских областных законах, где автор, между прочим, как и новейшие западно-европейские ученые, предполагает существование скандинавских колоний на Руси.

³ Очерк, I, 165 и 181.

В. А. Мошина «Варяжский вопрос».¹ Подробный разбор этой темы в ее историческом развитии с XVIII в. сопровождается здесь обширной библиографией, в которой топонимических исследований оказывается очень мало.²

Подвергая критическому разбору историю варяжского вопроса с его бесконечной полемикой и выясняя общий характер этой последней, Мошин ограничивается указаниями на проявляющиеся в ней националистические тенденции. С точки зрения современной советской науки здесь можно отметить необходимость выявления также и классовой основы ее в связи с общественной жизнью того времени, к которому она относится. Вопрос этот пока еще ждет своего исследователя; изучение его могло бы дать интересные результаты.³

Весьма показательным для сложности и запутанности варяжской проблемы является окончательная сводка в обзоре Мошина (531—533). Принимая прежние две группы теорий, норманскую и антинорманскую, он насчитывает среди первой семь различных взглядов относительно древнейшей родины Руси, к тому же — старые разногласия насчет призвания или завоевания, как источника русского государства, и насчет хронологии, а среди второй — не более, не менее, как 14 различных гипотез, выводящих Русь от того или иного племени!

Что касается результатов научной работы в этой области, о которых Мошин считает теперь возможным говорить определенно, то мы видим у него норманское происхождение Руси, норманскую колонизацию на др.-русской территории, как один из эпизодов этого процесса, происходивший в данном случае в Вост. Европе, затем — незначительное, в общем, влияние скандинавской культуры на славян и, наконец — неясное до сих пор, несмотря на все труды исследователей, происхождение терминов Русь и варяг (534 сл.).

¹ *Slavia*, 1931, X, ч. 1, 109—136; 2, 343—379; 3, 501—537.

² Эта библиография, кстати сказать, является материалом для хорошего справочника, но информационная задача, которую ставит себе автор (502), была бы выполнена удачнее, если бы он дал хоть какойнибудь указатель; за отсутствием такового собранные им библиографические данные представляются сырым, необработанным материалом, совершенно непригодным для наведения справок.

³ Детальная и внимательная разработка здесь вполне возможна на основании материалов, касающихся соответственных научных кругов и их отдельных представителей (разные документы, переписка, биографические данные и т. д.), по типу статей, входящих в состав указанного уже здесь сборника «Русская историческая литература в классическом освещении» под ред. М. Н. Покровского (1927—1930), где выявлено общественное лицо целого ряда русских историков и исторических школ. Что это следовало бы сделать, в частности, и для варяго-русского вопроса, указывает В. И. Равдоникас в «Die Normannen», 8; см. также несколько замечаний о классовом характере этой дискуссии у С. Н. Быковского, ук. соч., 3.

С точки зрения нашей современной науки все это ничего нового не дает, и никаких сдвигов в разработке вопроса мы здесь не находим. Взгляд Н. Я. Марра на происхождение и значение термина Русь в трактовке Мошина — лишь одна из очередных не норманских гипотез.¹

Варяжскую колонизацию Мошин выдвигает безо всякой критики, каковой этот вопрос, между тем, несомненно требует. Здесь сразу же получается противоречие: переходя к вопросу о влиянии скандинавской культуры, автор отмечает слабость варягов, как колонизаторов, и быструю ассимиляцию их с окружающей славянской средой (536).

Проблема культурных связей останавливается у Мошина на той точке зрения, которая, конечно, имеет преимущество перед старым норманизмом, признававшим всюду заимствования от скандинавов и их культурное превосходство в сравнении с восточными славянами: представители этого нового направления в науке указывают и на возможность обратных влияний, на исторические связи восточно-славянских племен с древними культурными центрами Черноморья и Востока. Все это дало в научной литературе ряд ценных и интересных наблюдений и исследований, но вопрос этот требует, в общем, иной постановки, основанной на внимательном изучении социально-экономических процессов и явлений, и такого же строго критического отношения к теории заимствования, как и во всяком другом случае.

В обзоре Мошина лишь между прочим (правда, с разрядкой в тексте) указан взгляд на Русь, не как на народность, или княжеский род, а как на дружинную организацию, иначе говоря, как на явление социального, а не национального, порядка. Так же вскользь говорится о предположении, что корни русского имени следует искать не в одной, а в нескольких областях (533). Что все это весьма существенно, и стоит в прямой связи с выска-

¹ См. 533, пункт II «происхождение Руси от яфетидов» — формулировка, конечно, совершенно неудовлетворительная. Несколько подробнее Мошин касается взглядов Н. Я. Марра в другом, более кратком, обзоре «Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы» (Sborn. prací I sjezdu slovansk. filologů v Praze, 1929, II, 610—625, Прага, 1932). Относительно его замечания о том, что Н. Я. Марр открыл «на неведомых дорожках русского прошлого следы невиданных предков яфетического происхождения» (621, прим. 44), можно только сказать, что все новые пути научного исследования на первых порах представляются неведомыми, а добываемые результаты — невиданными дотоле, как в палеонтологии зверей, так и в палеонтологии языка и всего, что с ним соединяется, т. е. обо начений этнических, топонимических и др. Что название Русь с норманнами эпохи викингов генетически не связано и что они у себя на родине так не назывались, достаточно убедительно доказывается отсутствием всяких следов этого термина, как своего, в др.-сев. сагах (где Rusia, как известно, наименование книжного, учебного характера) и особенно в рунических надписях. Что у финнов шведы — Ruotsi, и каково происхождение этого названия — вопрос другой; др.-сев. языку и письменности термин Русь, во всяком случае, совершенно чужд.

званиями Н. Я. Марра, а также и других, как современных, так и прежних русских ученых, остается совершенно не отмеченным.¹

Признавая необходимость дальнейших исследований в данной области, Мошин не идег, в сущности, дальше старой постановки вопроса, и работа его представляет собою не более, как компиляцию.²

V

В заключение замечу, что осторожное отношение к вопросам, связанным с варяжской проблемой в ее общем объеме, предостерегающее нас от недостаточно обоснованных выводов, и критический пересмотр прежней трактовки многих ее сторон несколько не уменьшают интереса, бесспорно представляемого Скандинавией эпохи викингов и движением норманнов на юг через Вост. Европу. Мировое значение этого движения, как вообще, так и в частности — для развития того блестящего в культурном отношении периода истории восточного славянства, каким является так наз. киевский период, в нашей научной литературе совершенно верно оценил М. Н. Покровский.³

«Славное варварство норманнской эпохи» (the rude glory of the Norman epoch)⁴ следует изучать в свете исторической правды, восстанавливаемой исследователями, и искать в нем то, что оно, действительно, давало в общем ходе исторического процесса, отрешившись при этом от целого ряда ошибочных воззрений и оценок, и подвергая их необходимой критике и проверке.

Такого отношения к себе требуют, конечно, и те положения, вместе с которыми ныне вводится в нашу область научных исследований новый материал, именно топонимический, являющийся предметом рассматриваемой здесь работы Фасмера. Введение нового объекта исследования, почти еще не затронутого, всегда представляет собою явление прогрессивное и ценное для науки. Тем не менее, самая постановка вопроса о нем вызывает

¹ Не говорю уже о том, что у Мошина в числе исследователей, занимавшихся процессом образования русского государства, лишь мимоходом упомянут М. Н. Покровский (502, прим. 1, библиографическое указание на его «Русск. историю с древнейш. времен», I, Лгр. 1924), между тем, как работы этого историка, хотя и не касаются специально варяжского вопроса, имеют в этой области значение настолько очевидное, что распространяться о нем здесь представляется излишним.

² Как уже сказано выше, она могла бы, тем не менее, быть очень полезна, как хороший справочник, если бы к ней были приложены указатели, алфавитный и систематический, по авторам и по темам их работ.

³ Очерк, I, 46—7.

⁴ Marx. Secret diplomatic history of the XVIII cent., 77 (Лондон, 1899).

в данном случае, как мы видели, возражения весьма серьезные и существенные.

Что касается планомерной, в государственном масштабе, норманской экспансии, направленной на Русь, как ее себе представляют ученые, стоящие на этой точке зрения, то здесь для нас имеют первостепенный интерес высказывания Маркса об этом движении, как о процессе, являющемся следствием не какогонибудь заранее предусмотренного хитроумного плана, а результатом естественной организации норманского дружинного строя.¹ Тем самым намечен для нас путь к исследованиям в области данного вопроса, вполне оправдываемый положением последнего в науке и ведущий, так сказать, вглубь его, к изучению явлений социального строя скандинавов, без которого нельзя понять ни движения их на юг, ни их значения в истории древней Руси.

¹ Secret diplomatic history, 76; цитирую перевод из «Очерков по истории марксизма» Д. Б. Рязанова, II, 188 сл. (1928 г.).